

Арти Зенюк

Идолы и птицы

16+

Арти Зенюк
Идолы и птицы

«ЛитРес: Самиздат»

2017

Зенюк А.

Идолы и птицы / А. Зенюк — «ЛитРес: Самиздат», 2017

Основная идея книги - обратить внимание читателя на собственный внутренний мир. Это попытка показать формирование человека, в котором разрушаются стереотипы и шаблоны, навязанные современным миром, скрывающие от нас истинные ценности.

Содержание

(1) Пробуждение	5
(2) Находка	20
(3) Шпионские штучки	36
(4) Институт	44
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Арти Зенюк

Идолы и птицы

(1) Пробуждение

Постепенно начинаю осознавать, что нахожусь в каком-то сером пространстве, мутном и вязком. А вокруг будто ничего нет, кроме этой серой массы. Нет ни чего-то важного, ни простого – только колба с веществом, а я в ней пульсирую. Вернее, то расширяюсь, занимая весь этот объем, то съеживаюсь во что-то свое, ценное и очень личное. И в таком состоянии, не имеющем ни начала, ни конца, осознаю необходимость отсюда выбираться. Осознаю, но беспомощность настолько велика, а усилия мизерны в сравнении с масштабностью серого вещества, что на ум приходит только тихое смирение. Время от времени из сероты вырываются звуки сожаления, они примитивные, прицокивающие, не облеченные в слова, но интуитивно я сразу понимаю, что это вздох сожаления: «ох-ох-ох» или что-то подобное. Я слышу его, и немного успокаиваюсь. Он вселяет уверенность, что хоть кому-то я не безразличен, и в то же время сочувственно показывает, что здесь находится плохо, что нужно отсюда уходить. Пульсации достаточно медленные и плавные, чтобы успевать осознать происходящее и пытаться определить, кому же мое такое состояние небезразлично.

Усилия, направленные на распознавание этого объекта сочувствия в промежутках между полной потерей концентрации, наконец приносят успех. Прицокивающая – это женщина. Маленькая ссохшаяся старушка, с впавшими от отсутствия зубов губами и очень глубокими морщинами. С кожей свинцового оттенка, больше напоминающей мумифицированного фараона, чем обычную старуху. И, при этом, она излучает теплоту, она искренне сочувствует, она оберегает. Её присутствие эхом отражается в мозгу как «ох-ох-ох». Возможно, она мать моей матери – или я хотел бы, чтобы так было. Я чувствую значимость её присутствия и уважение к ней. Если бы вы видели тот образ, что видел я, удивились бы, насколько старость может быть привлекательно притягивающей.

Пульсации продолжают, серая масса непонятного вещества приходит в движение, переливается то ли эмоциями, то ли желаниями, но не меняя своего цвета и вязкости. Так повторяется снова и снова, я чувствую эти волнения, по-прежнему ощущая сочувствие той, кто понимает происходящее намного лучше меня – и, причем, очень давно. Постепенно личный интерес начинает вести наружу, не принимая во внимание заботу маленькой ссохшейся старухи, знающей об этом мире значительно больше меня и многих мне подобных. Сказать, что всё происходящее – заслуга исключительно моих волевых усилий, было бы в корне неправильно. Тут больше инициатива принадлежит древним силам, передающим необходимые навыки в генетическом коде, силам, дремлющим в каждом человеке с рождения. И вот пространство рвется, линия горизонта разрывает липкую серость, перед глазами постепенно начинают проявляться свет, цвета, объекты.

Вокруг очень ярко, наполнено разнообразием форм, теней и красок. Я нахожусь в каком-то прямоугольном помещении, окрашенном в приятные нейтральные тона. Перед глазами бугрится скомканная белая ткань, за ней замечаю четырех существ, пристально в меня вглядывающихся. Вокруг располагаются всякие прямоугольные предметы: для входа-выхода, для попадания солнечных лучей, для хранения вещей. Прямоугольники на стенах, на полу. Я, наверное, попал в некую прямоугольную вселенную, лишь фигуры наблюдающих меня существ как-то не вписываются в общую картину этого мира. Кроме отдаленно угадывающейся вертикальной симметрии, у них с угловатой обстановкой нет ничего общего. По всей видимости, они случайные гости здесь.

В голове путаются мысли. Кто я и где нахожусь? Взгляд инстинктивно бросается рассматривать всё вокруг, но инстинктивно останавливается на стоящих передо мной... людях. Да, это люди. Два пожилых мужчины и две женщины, всё их внимание приковано ко мне, и, судя по затянувшейся паузе, они ожидают от меня определенных действий.

После незначительного промедления молчание нарушает пожилой авторитетный мужчина – он в данной группе, похоже, главный. Он подходит, ещё раз внимательно вглядывается в меня, и, присев на расположенную рядом конструкцию из прямоугольников, начинает задавать вопросы:

– Вы знаете, где сейчас находитесь?

Помните, как вас зовут?

Вопросы приводят меня в замешательство: я понимаю, что не знаю, где нахожусь, и ко всему прочему – оказывается, что у меня во что бы то ни стало должно быть имя или какое-то название. Для того чтобы подтвердить свое существование в этом мире, имя, по всей видимости, – обязательный атрибут. А по постановке вопроса понятно, что оно у меня есть. И это логично, что оно у меня есть, ведь я твердо осознаю, что существую, а без имени прямоугольный мир, скорее всего, меня просто бы отторг, вытолкнул назад в мою липкую пульсирующую серость.

– Нет, не уверен, – отвечаю я, радуясь тому, что, оказывается, могу выходить с людьми на связь.

Мой ответ меня поразил – впрочем, ровно настолько же, насколько стоящую напротив пожилую пару. У мужчины глаза округлились, лицо нервно напряглось, а ноздри уточились и приняли более агрессивный вид, как у арабского скакуна, сорвавшегося с места в галоп. Женщина же вздрогнула, каждая её морщинка и мускул искривились и наполнились страданием, в глазах выступили капли жидкости. Она сразу как-то съежилась и прижалась к своему спутнику, а тот её обнял. Меня же ответ поразил тем, что произнесен был чем-то, расположенным немного ниже осознающего себя как «Я». Оказалось, у меня есть продолжение – то, чем я четко и внятно сформулировал ответ. Рядом лежат две руки, которые беспрекословно выполняют все мои команды, а кроме всего прочего, под скомканной тканью белого прямоугольника тоже «Я». Данный факт меня очень обрадовал. Слегка пошевелившись, я узнал границы своих владений. Хоть ткань и скрывала большую часть тела, моя принадлежность к человеческому виду стала очевидной. Располагая столькими элементами, кроме сознания, созерцающего происходящее вокруг, я определенно имею имя, обязан его иметь! Жаль только, что не помню. Скорее всего, реакция мужчины и женщины тоже вызвана сожалением по этому поводу.

А вот мужчина, задававший вопросы, ничуть не изменился в лице. Он спокойно поднялся и подошел к печальной паре:

– Не волнуйтесь, в этом ничего страшного нет, нужно немного подождать, и память вернется. Такое случается время от времени, вне зависимости от нашего желания, просто будьте терпеливы.

Между мужчинами завязался диалог. Тот, что проявил волнение, спросил:

– Он не останется таким?

– Нет, что вы! Это временная амнезия, операция прошла как нельзя лучше.

– А как быстро к нему вернется память?

– Да, конечно! Мы посидим в холле, – кивнул мужчина, вздохнув, как мне показалось, с облегчением.

– Однозначного ответа нет, всё индивидуально. У кого-то этот процесс занимает минуты, другие восстанавливаются неделями. Но в конечном итоге ваш сын будет полноценным здоровым человеком, поверьте моему опыту. А пока дайте нам пару минут.

– Отлично. Побудьте там, мы проведем осмотр и дадим ему немного времени прийти в себя.

– Сообщите, пожалуйста, если будут какие-то изменения.

– Да, непременно, господин Мергель.

– Идем, дорогая, – обратился самый любопытный к женщине, вытирающей слезы. – Не волнуйся, всё будет хорошо.

Пара снова посмотрела на меня, а потом вышла через открывающийся прямоугольник.

Всё это время вторая женщина, держа в руках папку стандартной для этих мест формы с такими же прямоугольными листами, внимательно следила за происходящим в помещении и делала на них пометки.

Я, похоже, совершенно запутался, став поневоле участником каких-то событий. Они были напрямую связаны со мной, и факт, что я совсем не в курсе происходящего, меня сильно обескураживал. Нужно было срочно попытаться овладеть ситуацией, но я пока не понимал как.

Оставшийся в комнате мужчина снова подошел ко мне:

– Меня зовут доктор Шмидт, я ваш лечащий врач. Вы понимаете, что я вам говорю, Петр?

– Да. Где я нахожусь?

– Вы в больнице, в палате для реабилитации. Вам сделали операцию, всё прошло успешно, но вам потребуется время, чтобы прийти в себя. Не волнуйтесь, всё будет хорошо, мы с медсестрой вас только осмотрим.

В том, что этот человек точь-в-точь повторил мне слова, только что сказанные другим людям, было какое-то лицемерие. Оно создавало впечатление холодного равнодушия. Но, по всей видимости, доктор был главным в здешних местах и знал, что делать.

– Понятно, а те двое? – неуверенно пробормотал я.

– Это ваши отец с матерью, они за вас очень переживают, потому и взволнованы. Но всему свое время.

Доктор Шмидт с помощью молчаливой медсестры проверил, всё ли в порядке с моим организмом, функционируют ли конечности, чувствуют ли тепло, холод, как и на что реагируют части моего организма. Процедура была очень приятной, я с азартом естествоиспытателя исследовал границы себя, узнавал, что я могу ещё что-то ощущать, как-то по-другому реагировать. Теперь я получил в подарок тело, которое предоставляло всё больше и больше опций его составных частей. По мере осмотра я начинал понимать, что всё имеющееся добро сочетается в едином универсальном комплексе, управляемом одной моей мыслью.

«Да, верно!» – звучало одобрительное подтверждение маленькой улыбающейся старушки из серой пульсирующей липкости, постепенно отдаляющейся от меня.

И теперь осмотр закончен, мне проведена презентация шикарнейшего инструмента, которым можно осознавать и чувствовать этот прямоугольный мир – моего тела. Радость от владения столь полезным агрегатом даже перевесила смущение от того, что я по-прежнему не понимал, что происходит вокруг. Ведь даже если память и не вернется, как обещал доктор Шмидт, у меня есть чем изучить всё заново.

– Очень хорошо, Петр, с вами всё просто замечательно, вы очень быстро восстановитесь, – так же деловито и размеренно выдал результаты осмотра доктор. – Вы голодны? Марта принесет вам что-нибудь поесть, – продолжил он, кивком указав на медсестру.

– Не уверен... возможно.

Я узнал что-то новое. «Поесть»... Похоже, я когда-то очень хорошо понимал, что это такое, и только сейчас об этом вспомнил. Верное дело, для того чтобы что-то начало существовать – его нужно назвать. К примеру, меня зовут Петр, и раз, вот он я – какой красавчик, и руки у меня, и ноги, а ещё я могу поесть. Красота, да и только!

– Марта, принесите ему всего по чуть-чуть, и как можно разнообразнее, – махнул рукой доктор, и медсестра, послушно кивнув, удалилась через тот же прямоугольный проем, в котором исчезли мои родители.

– А вы ешьте, отдыхайте и собирайтесь с мыслями. Если вам что-то понадобится, здесь кнопка вызова. Как только на нее нажмете, к вам сразу кто-нибудь придет. Зовите, если что, не стесняйтесь. А мне пора идти к другим пациентам. Выздоровливайте!

– Спасибо, доктор.

Доктор Шмидт вышел вслед за медсестрой, и я остался в палате один, наедине со своим великолепным телом. Я ощупал себя с ног до головы, с легкостью определяя названия частей тела. Слова «нога» или «голова» просто возникали из ниоткуда и находились сами собой. И это не удивительно, ведь они же есть, я их вижу – вполне логично, что и названия к ним так быстро всплывают. Я попробовал встать и пройтись, поприсесть, наклониться, присесть. До чего же всё-таки приятно осознавать, что контроль над собственным телом так прост при его столь сложной конструкции! Должно быть, тот, кто придумывал такое тело, был весьма амбициозен, несмотря на задатки творчества. Вместе с приятным осознанием себя я начал вспоминать предметы, окружающие меня. Все прямоугольники постепенно обрели названия: стол, стул, кровать, дверь, окно. И это было чертовски здорово!

Спустя некоторое время медсестра принесла на подносе «разнообразную» еду и расставила её на столике:

– Приятного аппетита, господин Мергель! Когда закончите обедать, нажмите кнопку вызова, и я заберу посуду.

– Большое спасибо, Марта, – поблагодарил я, почти не отрывая взгляд от принесенных ею предметов.

Медсестра посмотрела на меня, на еду, понимающе улыбнулась и удалилась, только сделала это уже через дверь, а не через четырехугольник, как раньше. Шаги моих близких или доктора, когда они уходили, я отчетливо различал, Марта же двигалась плавно и неслышно. Казалось, она парит над поверхностью пола, искусно имитируя передвижения обычных людей. И, в отличие от доктора Шмидта, она выглядела искренней, ей хотелось доверять.

Принесенное Мартой поразило меня не меньше открытия самого себя. И тут дело не только в ноющем позыве внутри моего тела, именуемом – я вспомнил – чувством голода. Поразили формы предметов и их цвета. Оказывается, не только люди не вписываются в требования прямоугольного мира, но и сам мир, ранее названный прямоугольным, таковым полностью не является. Посуда и столовые приборы были явным тому доказательством, не говоря уж о самой еде, которая буйствовала разнообразием форм и красок. Все элементы, расположенные на столе, мне были хорошо знакомы: вилка, суп, брокколи. В памяти сразу как чертик из табакерки выскочила эмоция: «Фу, как я не люблю брокколи!», причем так ярко, что начать пробовать еду захотелось именно с этого продукта. Что же это за такие ярко-зелёные кудряшки, и за что я их так не люблю?!

На вкус брокколи оказалась нейтральной, вместе с тем породив множество вопросов на тему «люблю – не люблю». Организм воспринял её весьма одобрительно, равно как и все остальные продукты. Только вот на вкус всё было одинаковым: менялась форма, цвет и плотность пищи, но будто суть из них вынули. Тут явно было что-то не так, ведь не могут столь разнообразные элементы вызывать такие схожие реакции – такое положение вещей неправильно само по себе.

Из глубин моего тела что-то одобрительно квакнуло, указывая на содержательность поглощённой пищи, и мне не оставалось ничего больше, как смириться с таким положением вещей. Я вызвал медсестру убрать посуду. Увидев, что я съел практически всё, она с восхищением покачала головой.

– У вас отменный аппетит! Похоже, вы сильно проголодались?

– Да, пожалуй, вы правы, хотя мне пока сложно об этом судить.

– Всё было вкусно? Чего бы вы хотели на ужин?

– Если честно, – замялся я, пытаюсь собраться с мыслями, чтобы пояснить свою странную реакцию как можно доходчивее, – вся эта еда показалась мне на один вкус, но чувство голода взяло верх.

– А, понятно! Вы пока не ощущаете вкусов. Так бывает у некоторых пациентов. Не волнуйтесь, всё скоро придет в норму. Я пока велю подобрать вам рацион с учетом полезности и калорийности, а как только к вам вернуться вкусовые ощущения, мы снова станем учитывать ваше мнение при выборе пищи. Договорились?

– Да, конечно! Большое вам спасибо!

– Я бы советовала вам прогуляться после обеда, на улице прекрасная погода. Секунду, я принесу вам бейджик. Вы его не снимайте, и если не сможете найти свою палату, обратитесь к любому сотруднику больницы, и вам помогут.

– А как я узнаю, кто здесь медицинский персонал?

Марта немного смутилась:

– Простите, а вы цвета различаете?

Возникла неловкая пауза. Пока мне не сказали, что я не различаю вкусов, осознать такой факт самому было проблематично. Понимание того, о чем ты знаешь, а о чем нет – очень важный аспект существования. И мне предстояло решить, по каким признакам люди оценивают свои знания о том, что умеют, или понятия об окружающем мире. При кажущейся простоте вопроса, ответ на него скрыт в самом центре той серой липкости, из которой я только что выбрался. Сторонний наблюдатель может лишь констатировать факт большинства таких же сторонних наблюдателей, но истинное осознание знания в состоянии оценить только невнятный первобытный сгусток внутри нас. Капелька той серости, из которой мы все вышли, специально оставленная кем-то в груди каждого человека для принятия инстинктивных решений. А недавнее мое пробуждение оставило крепкую связь с этой капелькой, нужно было всего лишь воспользоваться полученным даром. Я его осознавал, этот дар. И даже тот факт, что вместе с этим пришло некрасивое чувство собственного превосходства, меня не смущал. Теперь я знаю!

– Да, различаю цвета, – ответил я очень спокойно, преисполненный уверенности.

– Тогда всё просто: медицинские работники носят белые, светло-синие или светло-зеленые халаты. Это наша униформа, она одинаковая для всех здешних сотрудников. Вы легко сориентируетесь. Тем более что за пределы больницы выйти вы не сможете, а потому потеряться практически невозможно.

– Я с вами совершенно согласен. Вероятно, вам мои вопросы кажутся глупыми, вы уж простите.

– Нисколько! Я скажу даже больше: для человека с амнезией вы весьма логичны и задаете правильные вопросы. Такое бывает редко.

– Пусть это будет моим первым достоинством, о котором я узнал.

Мы обменялись с Мартой любезными улыбками, она прибрала посуду и отправилась за бейджиком.

Оставшись в одиночестве, я принялся внимательно осматривать предметы в палате, каждую деталь бывшего некогда прямоугольным мира. Вся здешняя обстановка была выполнена в мягких светлых тонах, за исключением разве что черного прямоугольного телевизора. Еще раз пройдясь взглядом по предметам, я перевел внимание на окно. Оно отделяло больничную палату от шумного красочного мира. Стоял солнечный день, переливающийся буйством зелени. Это ещё раз подтвердило мою уверенность в том, что я знаю цвета. В парке гуляли люди. Даже беглого взгляда хватило, чтобы понять, кто из них – персонал больницы, а кто – посетители. Вопрос, заданный мной Марте, показался теперь глупым. Кроме двери, через которую в мою жизнь заходили и выходили люди, я заметил ещё одну – за ней оказались туалет и ванная комната. Медленно, но жадно я впитывал формы известного мне когда-то мира. Множество предметов в ванной комнате меня озадачило. Это как с персоналом больницы:

с одной стороны, всё понятно, а с другой – я сомневаюсь в правоте своих суждений. В этих размышлениях меня и застала Марта.

Понимающе кивнув и положив бейдж на стол, она прошла в ванную комнату и принялась методично разяснять мне предназначение и функциональность каждого из замеченных предметов. завершив кратким как выстрел вопросом:

– Ну что, всё понятно?

– Да, именно так я и думал.

У меня не было в арсенале всех этих слов, и они проявлялись намного медленнее, чем хотелось бы. На мои слова Марта ещё раз во всё лицо улыбнулась доброй милой улыбкой и направилась к выходу.

– Хорошего вам дня, Петр! Поправляйтесь!

– Большое спасибо, и вам всего доброго.

* * *

Немного погодя я вышел прогуляться, как и советовала мне медсестра. Неподалеку от входа на диване сидели мои родители, молча, каждый наедине со своими мыслями. Меня охватил стыд, ведь я только сейчас о них вспомнил. Почему воспоминания о предметах так легко всплывают, а о, наверное, самых дорогих, для меня людях память напрочь отказывается выдать хоть какую-нибудь информацию?! Я только вспомнил их имена, и тут же почувствовал, что они важнее, чем окружавшее меня сейчас, успевшее осознаться за этот короткий период моей новой жизни. Боковым зрением мать заметила меня, положила руку отцу на плечо, он тоже отвлекся от своих мыслей, и наши взгляды снова встретились. Их – полные надежды, и мой – полный неловкого сомнения. Я подошел к ним.

– Добрый день

– Как ты, сынок?! – встрепелась мать, и её глаза снова налились слезами.

– Пока я вспоминаю только предметы и их названия, но, судя по уверенному спокойствию доктора и медсестры, всё идет по плану.

Только сейчас я заметил всю усталость и печаль, придавившую их, будто огромная глыба. Мягкую одежду, которую они не меняли по меньшей мере несколько дней, щетину на отцовском лице. Мне неловко было находиться рядом с ними, но я единственный понимал особенности своего состояния, и чувствовал себя обязанным им пояснить и успокоить.

– Я, как и вы, тоже жду, когда ко мне вернется память, но пока я помню только ваши имена, и ничего более. Вам нужно отдохнуть. Уверен, скоро всё будет хорошо.

Отец одобрительно кивнул, протянул руку, и мы обменялись крепким мужским рукопожатием. Он дотронулся до моего плеча и сказал:

– Возвращайся, сын, мы тебя ждем!

Мать молча обняла меня мягкими теплыми руками, ещё раз всхлипнула и, взглянув мне в лицо по-собачьи преданными глазами, отошла к отцу.

Мы разошлись в разные стороны из больничного холла, неловкость момента была исчерпана, но оставалось какое-то внутреннее напряжение. После эмоции «не нравится», которая всплыла при виде брокколи, я испытал новую эмоцию – «быть обязанным». Чувство, что я обязан уделять внимание этим людям, прочно закрепилось во мне с первой же минуты, как я увидел их в холле. Но не давал покоя тот факт, что ими двигала совсем другая эмоция, пока мне неведомая. Неужели в глазах моей мамы была преданность, неужели это родственные связи обязывали их, вымотанных до изнеможения, находиться возле физически здорового человека? Скорее всего, мне оставались недоступны ещё многие чувства, способные объяснить их поведение. Но я не стал усугублять внутреннюю неразбериху и смирился с тем фактом, что изъяны

памяти, эти недостающие пробелы, скоро заполнятся сами. И как только я принял такое решение, ноги сразу же понесли меня во двор, который так ярко светил зеленым в окно моей палаты.

Прогулка наполнила меня новыми звуками, цветами и запахами. Я, как ребенок, взахлёб впитывал происходящее, всё новые и новые слова обозначали вновь приобретенные мной предметы и процессы. Мир все стремительнее удалялся от прямоугольного, в нейтральных тонах, и наливался красочным многообразием. Конечно, чувство, что ко мне всего лишь возвращается утраченное мной ранее, немного смазывало всю прелесть приобретений, но это всё равно было восхитительно. Ведь то, что я знал ранее, ко мне приходило не сразу, мне всё выдавалось постепенно, с каждым годом жизни – а сейчас я получаю знания почти мгновенно, и для этого мне достаточно лишь взглянуть на предмет. Будь у людей такая способность приобретать новые знания, наш мир изменился бы кардинально за считанные дни. Но, увы, всё окружающее меня просто вяло пульсировало, следуя законам серой пустоты, а я пока лишь забирал своё.

* * *

В таком ритме прошло несколько дней, я почти освоился в своем теле. Меня посещали позабытые ранее эмоции, вспоминались разные вещи. Так, взрыв эмоций вызвали вернувшись на третий день вкусовые ощущения. Оказывается, принятие пищи – не только заправка своего организма топливом, но и очень приятный процесс, приносящий яркое чувственное удовлетворение. Как всё-таки здорово, что природа совмещает жизненно необходимые для нас вещи с позитивными эмоциями! Также очень понравился душ, вернее, вода и контакт с ней. Хотя насчет воды осталось больше вопросов, чем ответов. Если обычные предметы словом, их обозначающим, сразу раскрывали свою суть, то понятие «вода» не подразумевало ничего определенного. Ровным счетом ничего конкретного также не несло в себе слово «телевиденье», хоть и вызвало совершенно противоположные воде эмоции. Я познакомился с тем черным прямоугольником в своей светлой палате ещё вечером первого дня, когда медсестра, сменившая вечером Марту, показала мне, как им пользоваться. При всем обилии сведений, которые он выдавал, у меня сложилось весьма однозначное неприятное впечатление как от самого предмета, так и от стиля подаваемой им информации. Мне всё же приходилось им пользоваться в свободное время, так как пределы больницы ограничивали возможность многое увидеть, но нагнетающая манера всё преподносить однобоко, вечные повторения и постоянные фальшивые нотки однозначно говорили о нездорово искажённой реальности, транслируемой этим предметом.

Постоянно слоняясь туда-сюда, я изучил каждый закоулок больницы. Бейджик, так любезно предоставленный мне Мартой, не потребовался. Я с первого раза без труда нашел свою палату. Как оказалось позже, у меня чуть ли не самые лучшие условия проживания в данной клинике. Были палаты, в которых пациенты ютились по несколько человек, и брокколи им не приносили. Но мой отец позаботился об улучшенных условиях для меня. Также я узнал, что находился в передовой клинике, специализирующейся на изучении головного мозга, причем не только занимающейся лечением, но и ведущей другую обширную деятельность в данном направлении. Нынешнее мое состояние было вызвано как раз операцией на мозге, которую успешно провел блистательный доктор Шмидт. Я всё так же не помнил своего прошлого. Хоть мои знания касательно многих вещей были восстановлены, то, что я не знаком с самим собой, изрядно выбивало из колеи. Я больше напоминал машину, бесстрастно поглощающую информацию и не испытывающую никаких сложных чувств, так свойственных нормальному человеку – кроме, быть может, уже порядком притупившейся радости познания. Это делало меня неполноценным, и мой холодный ум злился от осознания своей неполноценности.

Однако приятное случилось неожиданно. Вечером четвертого дня после ужина одна из медсестер, забирая посуду, случайно выпустила из рук тарелку. На моих глазах та медленно

приземлилась на кафельный пол и вдребезги разлетелась на мелкие кусочки. Очень странно: звук был достаточно громким, больше напоминающим выстрел, а стеклянная тарелка не разбилась на осколки, а рассыпалась на мелкие кристаллики почти правильной формы, почти взорвалась. И вместе с взрывом, в то же мгновение, ушла пелена незнания своего прошлого. Я вспомнил. Вернулось всё и сразу: от обрывков совсем детских воспоминаний до запаха в операционной перед наркозом. На глаза накатились слезы, в горле образовался ватный ком. За одно мгновение из расчетливой машины, собирающей данные о формах, цветах и процессах, я превратился в человека. В того, кем становишься только тогда, когда проживаешь свою жизнь, совершая ошибки и принимая собственные решения в многообразии выборов. Это мощное чувство было похоже на прыжок с горки гигантского аквапарка, где сначала испытываешь практически свободное падение, плавно переходящее в скольжение, а заканчивается всё ударом о воду. Правда, ударом хоть и жёстким, но очень приятным, не вредящим твоему телу, а только выбивающим из тебя бурные эмоции. Ещё одно предназначение воды. Немудрено, что я не мог её определить как объект, ведь она так многолика! Шум водяных пузырей в ушах медленно стихал, и сквозь него стали пробиваться слова.

– С вами всё в порядке, господин Мергель?! Вы меня слышите?

Передо мной стояла побледневшая медсестра с перепуганным лицом и трясла меня за плечи. Я словил себя на мысли, что с трудом дышу, руки и ноги напряжены до судороги, а сам я смотрю в одну точку уже какое-то время. У дверей показались ещё одна медсестра и дежурный врач. По всей видимости, женщина, разбившая тарелку, первым делом позвала на помощь, нажав кнопку вызова. Меня усадили на кровать.

– Что произошло? – спросил врач суровым, немного напряженным голосом медсестру, внимательно меня разглядывая.

– Я случайно уронила тарелку, а он весь всполошился. Это небьющееся стекло, а тарелка как будто взорвалась, а не разбилась! – оправдываясь, забормотала та.

Врач укоризненно посмотрел на нее.

– Приберите пока. Мы сейчас разберемся, – он перевел взгляд на меня и спросил: – Вы меня слышите?

Но к тому времени, как врач обратился ко мне, я уже отошел от приземления с горки аквапарка, и чувствовал себя готовым к новым аттракционам.

– Да, все в порядке. Похоже, ко мне вернулась память. Только почему-то я отреагировал на осознание своей личности довольно странно.

– А, так дело в этом! – Лицо доктора смягчилось, «провинившаяся» медсестра тоже выдохнула с облегчением. – По-видимому, резкий звук спровоцировал возвращение памяти. Хотите, чтобы я сообщил вашим родным?

– Да, конечно! Мне не терпится с ними увидеться!

Доктор и вторая медсестра ушли, и в палате осталась только «виновница» всего переполоха, прибирающая стекла. Совсем молодая, похоже, она только недавно начала здесь работать.

– Вы не волнуйтесь, теперь о вас станут говорить как о профессионале, умеющем возвращать людям память, – обратился я к ней.

Она натянуто улыбнулась.

– Или как о нянке, умеющей разбить небьющуюся посуду на глазах у пациента.

Я был студентом-медиком, умению успокаивать и врачебной этике нас обучали на отдельной дисциплине. Потому я напряг память, покопался в своих знаниях, и за долю секунды нашел всему логичное объяснение:

– Такой тип обработки стекла имеет внутреннее напряжение, которое и придает посуде дополнительную прочность. Обычно падение ничем не может навредить, но при неудачных раскладах приземления на твердую поверхность может быть достаточно для начального повре-

ждения. А дальше форма разрывается изнутри внутренним напряжением, придававшим прочность. Вы про каплю принца Руперта слышали¹?

– Нет, но поинтересуюсь на досуге. Вижу, к вам на самом деле вернулась память. Я очень рада, что моя неуклюжесть принесла хоть кому-то пользу.

Мы оба улыбнулись. Медсестра собрала стекло, унесла посуду и, пожелав хорошего вечера, удалилась. В ожидании приезда родителей я остался наедине со своими мыслями, но на этот раз я уже знал всё, мне принадлежащее. Помнил детство, отца, мать, свою непоседливую сестричку Ребекку, которую очень люблю. Друзей, учебу в медицинском, бывшую девушку, Христину, которая до событий последнего года виделась мне женой и матерью моих будущих детей. Помнил до мельчайших подробностей аномалии последнего года жизни, которые так сильно повлияли на меня и мое мировоззрение. Теперь в палате был я, полноценный, без прорех в памяти и домыслов, имеющий багаж знаний и желающий взять их с собой в дальнейшую жизнь. Я с нетерпением ждал приезда родителей.

* * *

Наконец дверь открылась, и в палату торопливо вошла мама. Увидев меня, она замедлила шаг и принялась испытующе в меня вглядываться.

– Да я это, я! Брось оценивать меня своим взглядом профессионального банкира! – сразу же выпалил я.

На пороге показался взволнованный отец, а мать уже, расплывшись в довольной улыбке, ринулась в мои объятия.

– О Петра, как мы волновались! Операция была такая сложная – хорошо, что доктор Шмидт согласился ее провести!

Не в силах вынести трогательность момента, отец попытался сделать обстановку более сухой и прервать поток маминых излияний.

– Тереза, ты слишком всё преувеличиваешь, не давай повода для ненужных волнений.

Отец подошел ко мне и обнял. Я понял, что сказанное матерью – отнюдь не преувеличение. Отец всегда был скуп на одобрение, поддержку и излишнюю похвалу. Нужно было пересечь океан, чтобы получить от него рукопожатие, а объятия говорили о том, что всё, читаемое по маме без труда, им переживалось внутри намного сильнее.

– Как ты? – спросил он.

Сейчас здесь был уже не тот помятый, уставший человек, которого я видел четыре дня назад в больничном холле. Гладко выбрит, опрятен, спокоен и уверен в себе – таким я помнил его с детства, таким он был и сейчас. Мама же, напротив, выглядела ещё более уставшей, казалось, что всё это время она провела на диване возле палаты в тревогах за меня. Я вообще не понимаю, как память, какое-то серое невзрачное вещество, имеет право обращаться с людьми так, как поступила со мной четыре дня назад! Как мог взгляд человека, выносившего меня под сердцем, человека, чувствующего мой рост и толчки моих ног изнутри, показаться мне собачим? Чего стоят знания всего мира без опыта, говорящего о его хрупкости и мимолетности?! Безумие холодного ума закончилось, хвала разбитой тарелке.

– Мама, папа, я безумно рад вас видеть!

– Мы тоже. Новость о твоём полном выздоровлении буквально сняла камень с души, – сказал отец, уже окончательно овладев собой.

– Мне немного неловко за те хлопоты... – начал было лепетать я, но отец меня перебил:

¹ Упавшая в воду капля расплавленного стекла приобретает невероятные свойства. Её очень сложно разбить даже молотком, но стоит надломить хвостик, и она взрывается, разлетаясь на мелкие кусочки.

– Не говори ерунды. Давай я соединю тебя с Ребеккой, а то она нам проходу не давала последние дни: рвалась сначала тебя искать, потом помогать лечить, места себе не находила. Пришлось изрядно на нее надавить, чтобы она сосредоточилась на учебе.

Отец набрал сестру и передал мне трубку.

– Алло... Да, пап! Ну что, как Петр? – слышалось в трубке.

– Он у аппарата, – серьезным голосом ответил я. – А кто это там на другом конце, с таким вяленьким голоском?

– Пёра, братишка! Ты к нам вернулся! – взвизгнул динамик телефона. – Ты уже совсем нормальный, или ещё полу-зомби какой-нибудь?

– Это легко проверить, Бекки. Тебе только нужно завести умную беседу, оставшись со мной наедине, и если я захочу полу-съесть половинку твоего мозга, значит я полу-зомби. Они ведь любят мозги?

– Ура, ура! Ты точно мой братик! – раздалось ещё громче, испытывая крепость переговорного устройства. – Такого ботана и зануду подменить просто нечем! А ты точно помнишь всё?

– Да, Бекки, не сомневайся! Всё до капельки, до малюсенькой капелюшечки помню. Даже сколько раз сделал тебя в монополию.

– Вот же! – раздалось в трубке. – И что, даже помнишь о том, как отдал мне в полное владение наш ящик с сокровищами перед операцией?

– Да, Бекки, помню даже то, что такого не делал.

Из трубки слышался звонкий смех.

– Как жаль! У потери памяти просматриваются явные достоинства: всегда можно сказать, что ты был таким, как нужно мне, или ещё кому-нибудь. Как считаешь?

– Хорошая идея, я обязательно ей воспользуюсь, если подвернется кто-нибудь, с потерянной напрочь памятью.

Я заметил, что мой разговор с Ребеккой поверг родителей в состояние эйфории. В их глазах каждое сказанное мною слово было живым подтверждением моего полного восстановления, и потому я не стал сдерживать себя и вдоволь наговорился с сестрой.

Как оказалось, моё возвращение чуть не сорвало её поступление. Родителям пришлось пойти на конфликт, чтобы оградить её от участия в трудностях этого периода моей жизни. Но она смогла взять себя в руки, и теперь уже, будучи студенткой-архитектором, подтягивает некоторые предметы, важные для начала её учебы.

Мы ещё немного побыли вместе с родными, поговорили ни о чем. Я спросил, произошли ли изменения в их жизни за время, пока я отсутствовал, на что отец задумался и ответил, что наибольшим испытанием оказалось понять, насколько я для них дорог. Это меня крайне тронуло, я попытался объяснить, что не мог поступить иначе, а они оправдывали мое поведение моим тогдашним состоянием. В общем, беседа прошла по-родственному правильно, когда разные поколения близких людей говорят на понятном друг другу языке.

Когда все ушли, оставив меня одного, я наконец осознал, где нахожусь на жизненном пути – и, соответственно, можно было решать, куда двигаться дальше. Во время разговора с Бекки я окончательно утвердился в том, что память ко мне вернулась. Только имея многолетний опыт общения, зная каждую скрытую эмоцию и желания собеседника, можно так легко и непринуждённо вести беседу. Родители были столпами моего мировоззрения, я не мог говорить с ними в развязной игривой манере. Общение с ними подразумевало некую дистанцию, искреннее уважение и подражание всему, что я считал в них правильным. С Ребеккой всё было иначе: мы могли паясничать, дразнить друг друга, выдавать воображаемые и неприемлемые развития событий за действительные только ради придания сочности нашей перепалке. Ближе и бескорыстней отношений ни у нее, ни у меня никогда не было. Но теперь Бекки, как и я, выходит в большой мир, где такой стиль общения безнадежно устарел, а душевная близость

между людьми становится просто дорогой как память, как мой с сестренкой ящик с сокровищами в подвале отцовского дома, который она так беспардонно попыталась у меня увести. С такой мыслью я и погрузился в сон, твердо зная, что больше не вернусь в палату этого некогда квадратного мира во главе с сухим педантичным врачом и ядовито-черным прямоугольником на стене возле кровати.

* * *

Утро нового дня обещало стать продуктивным. Я теперь помнил, что намеревался сделать, перед тем как мое здоровье ухудшилось, и был тверд и полон решимости реализовать намеченное. С самого утра, почему-то ещё до стандартного времени обхода, меня посетил доктор Шмидт, мы с ним мило побеседовали на разные отвлеченные темы, которые, по всей видимости, являлись отвлеченными только для меня. После этого он в раздумьях удалился, а сразу же после завтрака вернулся с моим отцом и ещё какой-то неприятной дамой в дорогом строгом костюме.

– Петр, у нас к вам деловое предложение, – начал доктор Шмидт. – Я предварительно переговорил с вашим отцом, юристами нашей клиники и ещё несколькими сотрудниками, прежде чем предложить вам кое-что. Дело в том, что ваша страховка не покрывала затраты на лечение, и все расходы легли на плечи ваших родных. Но для нашего центра изучения влияний болезни на ЦНС ваш случай очень интересен, и мы готовы заключить договор, компенсирующий вашей семье затраты на лечение. Взамен мы хотим лишь получить детальное описание того, что с вами происходило. Это взаимовыгодное сотрудничество, и от вас потребуется времени не больше, чем вы уже здесь провели. Итак, что скажете, Петр?

Я после небольшой паузы обратился к отцу.

– А что ты думаешь об этом?

– Ну, твое лечение немного нарушило наш размеренный быт, но катастрофических последствий не будет. Так что тебе решать. Если не захочешь или не сможешь, я пойму.

– Как по мне, дело не-сложное, покроет ваши расходы и поможет нам в диагностике, а значит, принесет обоюдную пользу, – энергично заключил доктор Шмидт.

Тем не менее, отец его почти перебил:

– Но я не знаю, что творилось с тобой последние полгода и где ты был. Хочешь ли ты делиться личными переживаниями? Решать только тебе.

Мой отец, самый уважаемый во вселенной человек, как всегда, был спокоен и рассудителен. Следовательно, мы не загнаны в угол, на нас не давят, и я могу принимать осознанное решение с одним-единственным условием: личное пространство – в обмен на заплатку в бюджете семьи. С учетом того, что у меня внутри за последнее время много всего накопилось, и хотелось перед кем-то выговориться, а тут ещё джек-пот, я сразу решил согласиться. Хоть и продолжал набивать себе цену:

– Каковы будут условия?

– Всё очень просто, – объяснил доктор Шмидт. – Вам необходимо будет в подробностях описать всё за период вашего нестандартного поведения: увиденное, пережитое и осознанное. От момента первых нестыковок в вашей жизни до осознания себя на больничной койке. Мы приставим к вам двух наших лучших практикантов. Полученная информация станет материалом для их научной работы.

– Но какой вам в этом прок, неужели обычный рассказ может быть так ценен?

Доктор улыбнулся. Я впервые увидел улыбку на его обычно деловитом и строгом лице. Вообще мое первое впечатление о докторе Шмидте оказалось ошибочным. Теперь я мог с уверенностью сказать, что он был человеком с большой буквы. А его внешность – лишь подтверждение уверенности, подкрепленной навыками. С момента моего выплзания из липкой

серости доктор Шмидт не дал ни малейшего повода усомниться в своем профессионализме и благих намерениях. Наверное, он был эталоном доктора, лечащего по призванию. Его внешность, взгляд и манера говорить явно свидетельствовали о бескорыстной преданности своему делу. Даже странно, как при этом всем он умудрялся носить дорогой галстук, ведь такой аксессуар скорее свидетельствует о хорошей хватке, нежели о таланте и бескорыстии.

– Доктор Шмидт, у меня не будет сложностей при завершении договорных условий, если я не оправдаю ваших надежд?

– Именно поэтому мы и пригласили адвоката клиники для заключения понятного контракта, но исходя из того, какие вопросы вы задаете, информации от вас будет больше, чем требовалось. Что скажете, госпожа Арк?

Шмидт указал рукой на даму в костюме, надменно парящую над нашими нелепыми разговорами, и к ней же перевел мой вопрос. При переводе на нее внимания женщина сразу же включилась в разговор, тикая, как швейцарские часы.

– Не думаю, что вам стоит волноваться, господин Мергель, – деловито кивнула Арк. – Все затраты покроет фонд по исследованию человеческого мозга, а не клиника. Из чего следует, что персонал клиники, занимающийся научной работой, хоть что-то от вас да получит, не потратив ни пенни из своего кармана. Если даже ваша информация окажется бесполезной, никто не станет трактовать это как расточительство. К тому же, мы всецело полагаемся на безупречную интуицию доктора Шмидта. Вам я вообще не вижу смысла отказываться.

Всё сказанное госпожой Арк было четко, лаконично и по существу. Сразу стало понятно, чем оправдано наличие на ней такого дорогого костюма и туфель в годовой бюджет какой-нибудь тропической страны. Она, по-видимому, крайне способствовала финансовому здоровью данной клиники. Всем троим людям, находившимся передо мной в палате, можно было не то что доверять, но даже поклоняться.. Каждый из них был очень значимым в своей сфере деятельности, и моя дальнейшая детская суэта была ни к чему.

Мы выдержали небольшую паузу, после которой я поинтересовался, что требуется конкретно от меня для заключения договора. Госпожа Арк сразу же открыла папку и протянула подготовленные бумаги.

– Вам следует ознакомиться с этим контрактом и подписать при согласии. Мы оставим вас с отцом, и если вы со всем согласны, пусть господин Мергель-старший занесет наш экземпляр в кабинет главврача.

* * *

Документы были подписаны, мое лечение оплачено, все вопросы решены. От меня лишь требовалось ближайшие дни потратить на рассказ о себе, получая при этом медицинское наблюдение и качественное трехразовое питание. Тем более, согласно правилам клиники, я все равно ещё должен был пару дней находиться под наблюдением врача.

После обеда доктор Шмидт привел двух медиков, проходящих клинично-практическое обучение и приставленных ко мне для конспектирования и предварительного анализа моего состояния.

– Разрешите представить вам, господин Мергель, специалистов, которые будут фиксировать основные интересующие нас моменты вашего рассказа. Они вам более точно сформулируют поставленные задачи и станут вести письменный отчет всего услышанного.

В комнату вошли двое молодых людей приблизительно моего возраста, парень и девушка.

– Фрейя и Стефан, – четко, но немного небрежно представил их доктор Шмидт. – Некоторое время вам придется провести в их обществе, надеюсь, им будет что извлечь из рассказанного.

После сухого вступления доктор обратился уже к практикантам.

– Насколько мне известно, до болезни господин Мергель, наш коллега, блестяще сдал первый госэкзамен и закончил седьмой семестр обучения с весьма неплохими результатами. Так что давайте вместе попытаемся что-то получить из этого всего ради общего блага медицины. Приступайте!

Доктор Шмидт утвердительно кивнул и вышел из комнаты. Его халат ещё не замедлил движения воздушных потоков в дверном проеме, как Стефан взял на себя инициативу:

– Добрый день, Петр. Меня зовут Стефан. Я буду проводить исследования для выяснения причин, которые привели к возникновению вашего состояния. Нам с Фрейей нужно будет подробно записать ваши размышления, эмоции и соображения насчет окружающей вас обстановки – с момента появления первых симптомов и до ухудшения вашего состояния. Важным будет и описание непродолжительного периода жизни, предшествующего проявлению симптомов, чтобы определить точку отсчета отклонения от нормы. Не забудьте про сны, если вы их помните. Я правильно объяснил, Фрейя?

Стефан обратился к коллеге больше для подтверждения всего того, что так систематично изложил, а не для получения одобрения сказанному. Он говорил четко, уверенно и методично, но голос его звучал будто из ржавой банки, слегка дребезжа.

Я сразу обратил внимание на внешность Стефана, как только тот вошел в палату. Чрезмерно холёное лицо, светлые, почти бесцветные глаза, отполированные ногти. Какой мужчина в таком возрасте ходит в салон полировать себе ногти?! Уму непостижимо! Он всем своим видом демонстрировал собственную незаменимость, но в то же время в отношении доктора Шмидта проявлял юркую услужливость практически без какой-либо потери достоинства. В нем сразу же угадывались ум и трудолюбие, прекрасно сочетающиеся с пафосом и надменностью. Такие люди всегда востребованы и находятся на хорошем счету у лиц, занимающих высокое положение – и будут таковыми, пока будет существовать общество. Им всегда можно поручить любую работу. Раньше, наверное, из таких Стефанов получались прекрасные инквизиторы, которые без труда могли великой целью прикрыть собственную жажду властвовать, унижать и самоутверждаться. Сейчас же такой типаж представлен всевозможными инспекторами, ведущими внутренние расследования, политиками или тюремщиками. Интересно, что будет делать Стефан, когда сдаст второй госэкзамен и получит диплом врача. Скорее всего, станет заведующим какой-нибудь крупной психиатрической клиники, будет писать грандиозные работы, перенасыщенные заумными терминами и преисполненные важности изложенного. Но, впрочем, это не мое дело. Каталогизировать мои рассказы он подходил как нельзя лучше. Нужно отдать должное доктору Шмидту: он прекрасно владеет навыками распределения человеческого ресурса.

И Фрейя тут же подтвердила мое умозаключение касательно умелого распределения ресурса. Это сразу мне напомнило детский стишок, в котором был монолог: «Правда, хорошо, друг бобер?!», а в ответ «Очень хорошо, брат бобер!». Так и Фрейя в ответ незамедлительно выпалила:

– Да, Стефан, ты всё правильно объяснил! Вам, Петр, нужно будет всего лишь вести рассказ, больше внимания уделяя мелочам, личным переживаниям, по возможности описывая обстановку. Само содержание рассказа будет нас интересовать только применимо к нашему исследованию и нигде фигурировать не станет. Кроме того, полученные данные будут строго конфиденциальны, а вы в отчетах останетесь как пациент №21М. У вас есть ещё какие-нибудь вопросы?

– Нет, всё предельно ясно, – ответил я. – Правда, мне нужно немного собраться с мыслями.

– Если хотите, – подключился к разговору Стефан, – мы можем попросить медсестру принести нам всем чай или кофе, и в неформальной обстановке поговорим, скажем, о меди-

цине. Вы ведь тоже студент-медик, и, если я правильно информирован, проходите клинический этап обучения стоматологии?

«Странно, что он не предложил виски и сигару, мы бы с ним славно помолчали», – пробормотал мой внутренний голос. Но вслух я сказал другое:

– Проходил, год назад, потом как-то не сложилось. А насчет неформальной обстановки вы неплохо придумали, пожалуй, стоит растопить лед. И от хорошего кофе я бы не отказался.

Фрейя не стала звать медсестру, а позаботилась обо всем сама. Принесла ещё какие-то сладости и, в общем, оказалась очень милой. Сказать по правде, я сначала не понял, зачем вторым практикантом назначили именно её. Конечно, она была неглупой и вполне организованной, но мне сразу показалось, что ей плевать на конечный результат. Её интересовал сам процесс ради процесса. На поверхности её сознания мишура фраз выстраивалась в кажущийся умным и осознанным текст, но вглубь не проникало ничего. Эдакая восьмибитная цаца, которая может создать видимость работы где угодно и с чем угодно, но реально полезное действие может выполнить только при условии четко поставленной задачи, и только в пределах своих восьми бит памяти. Возможно, с годами и опытом она разовьет способность соединять свои действия в более сложные цепочки, но для этого ей понадобятся шаблоны, а их ещё нужно наработать.

Конечно, моя субъективная оценка была основана на чисто профессиональных ее навыках, и Фрейя вполне могла быть интересной девушкой, страстной любовницей или хорошей матерью, но, вместе с тем, в серьезных вещах ничего, кроме излишнего шума, она произвести не могла. Скорее всего, доктор Шмидт вторым практикантом поставил именно её по целому ряду стратегических причин. В первую очередь, разбавить профессиональную сухость Стефана, потому как тандем двух студентов-заучек стал бы явным перебором и нагонял бы на меня тоску. Кроме того, Стефану требовался помощник по мелочам, до которых он, при всем своем самолюбии, вряд ли снизойдет, а судя по тому, что фонд по исследованию человеческого мозга выдал кругленькую сумму в компенсацию моего лечения, бумажной работы им предстояло немало. И последнее – это привлечь мое внимание, заставить стараться и выложиться по максимуму, ведь Фрейя была молодой и привлекательной особой всего на пару лет старше меня. В любом случае, доктор Шмидт показал себя не только превосходным врачом, но и отличным специалистом в области человеческой природы. И данный факт только укреплял вызванное к нему уважение.

Мы непринужденно побеседовали о жизни, об учёбе, о планах каждого на будущее. Фрейя оказалась невероятной сладкоежкой, которая хоть и держала себя в руках из последних сил, но всё равно умудрилась слопать сама почти всё, что принесла. Стефан начал улыбаться и меньше умничать. Всё складывалось вполне пристойно. В процессе нашей беседы пару раз заходила Марта с каким-то помощником, они вкатили в палату три удобных кресла и два небольших столика. Кресло без столика – как я понял, для меня – поставили возле окна, так, чтобы мне можно было в любой момент выглянуть на улицу, а остальные два разместили по углам. Позже Марта принесла две пачки не то бумаг, не то документов, и разложила на столиках. Все эти действия сопровождалась её очень довольным выражением лица. Создавалось впечатление, будто она обустроивала детскую комнату своему ребенку. Вообще Марта относилась к тому редкому типу людей, которые светятся изнутри добротой и мягкостью. Такие люди всегда располагают к себе любого, будь то маленький ребенок или зловредный старикан – все сразу радуются её присутствию. Думаю, это потому что её доброта не наигранна, а исходит из глубины её чистого сердца. Позитивное влияние Марты распространилось даже на Стефана: в её присутствии тот немного оттаивал. Во времена инквизиции он, наверное, даже бы слегка прослезился, сжигая Марту на костре. Но, слава христианскому Богу, наша добрая медсестра имела довольно пышные формы и никак не могла летать на метле грузоподъемностью в пять-

десять килограмм². Ранимая натура Стефана была бы спасена от мотивационного конфликта в те суровые средневековые времена.

Итак, мы расселись по предназначенным местам, сгусток доброты в виде Марты покинул нашу палату, и повисла длинная пауза.

– С чего начать? – наконец спросил я.

– Начни с описания обстановки, предшествующей появлению странных ощущений, – предложил Стефан.

Во мне ещё бурлили эмоции, вызванные внезапным возвращением памяти, и, при всей моей замкнутости, желание высказаться было сильным как никогда. Ко всему прочему, я был под защитой врачебной этики, что придавало мне вдохновения.

– Хорошо, пусть будет так.

² В средние века при обвинении женщины в сговоре с дьяволом использовали «Ведьмины весы». Считалось, что ведьмой не может быть женщина, весом более пятидесяти килограмм.

(2) Находка

В то время я оканчивал седьмой семестр в медицинском институте и был полностью поглощён учёбой. Хоть моей специализацией и была стоматология, но гигиенические и экологические дисциплины мне тоже очень нравились, даже курс истории медицины, начавшийся в седьмом семестре, пришёлся по душе. Другими словами, я был по уши в учебе, получал стипендию и считался одним из лучших студентов на потоке. И в самый разгар учебного сезона я узнал, что моя девушка, Лиза, в больнице, у нее что-то с почками.

Лиза жила там же, где и моя семья. Мы были вместе уже четыре года, познакомившись на празднике нашего города, и, как оказалось позже, учились в ста метрах друг от друга вдали от дома. Только она изучала социологию, а я – медицину. Студенческие годы мы провели вместе, но она закончила обучение в этом году и вернулась к родителям, а я продолжал учебу, оставшись на расстоянии больше трех сотен километров от нее.

Болезнь Лизы заставила меня выкроить пару деньков и приехать домой к родителям. Там меня всегда ждало гостевое крыло первого этажа дома, и я мог приезжать и уезжать в любой момент. После поступления в медицинский институт сестра Бекки сразу же оккупировала мою детскую комнату и сделала из нее мастерскую для своих художественных нужд, а я перешёл в разряд желанных гостей.

Так вот, в тот день я приехал домой и, немного отдохнув и пообедав с родителями, договорился о встрече с Лизой в парке, неподалеку от её дома. Погода стояла отличная, осень ещё не вступила в свои права, хотя её присутствие уже во всем угадывалось. До парка было минут тридцать ходьбы, и я решил пройтись туда пешком по знакомым с детства местам. Бодро шагал, рассматривая ровно стриженные кусты и газоны моего района, рассматривал знакомые дома наших соседей, пытаясь найти в них перемены, и наслаждался прелестью теплой осени. Ни машин, ни людей на улицах практически не было, в рабочее время здесь можно было увидеть только мам за рулем забитых детьми минивэнов и пенсионеров, идущих до ближайшего магазина.

До парка я дошел быстрее, чем планировалось, ко всему прочему, вышел я с небольшим запасом, и теперь до назначенного с Лизой времени оставалось чуть более пятнадцати минут. Парк был почти пуст, не считая пожилой пары, сидевшей неподалеку на лавочке, команды школьниц, с невероятным визгом игравших в волейбол на парковой площадке, и важно похаживающих ворон; больше в огромном парке никого не было. Я, медленно шагая, сделал пару кругов по аллеям, рассматривая то пожилых людей, то девочек, то ворон. На меня никто не обращал внимания. Девочки были так увлечены игрой, что проедься я рядом верхом на лихом слоне, они бы даже не обратили на это внимания. Пожилая пара была тоже занята поглощением последних солнечных лучей уходящего года, а вот вороны стали на меня обеспокоенно поглядывать. Очень важные, черные как смоль с отливом, они недоверчиво косились в мою сторону и сразу же пытались скрыться из виду, как только я останавливал на них взгляд. Умные старые птицы с массивными клювами и ухоженными перьями. Они, должно быть, помнят свой парк с тех времен, когда деревья в нем были ещё маленькими, а меня и в проекте не было. Забавно, но я читал, что каждая ворона, заготавливая на зиму заготовки с едой, помнит более двухсот мест, куда спрятала пищу, и безошибочно находит каждое, когда приходит время. Дай любому человеку двести конфет, попроси спрятать по городу, а потом найти их через два три месяца – справились бы немногие. Задача под силу единицам.

И, по правде говоря, мой интерес к воронам в тот момент был очень прост и корыстен, не зря они настораживались, ловя мой взгляд. Я высматривал, не потеряла ли одна из них перо, так как трофейное перышко вороны мне бы не помешало. Это дурацкое увлечение началось очень давно, когда я был ещё ребенком. Бекки тогда было около четырех лет, и она вошла

в период, когда всё лежащее на земле, блестящее, цветное или странного вида, нужно было подобрать. Причем делалось это с восторженными возгласами.

– Ух ты, смотри, что я нашла! – сразу же говорила она, и показывала мне какую-нибудь запыленную ерунду вроде пластмассового колечка от пластиковой бутылки или камешка. Я же её обзывал «подберухой-мухой».

– Сам ты подберуха-муха! – отвечала она мне звонким писклявым голоском, и, радуясь своей беззубой улыбкой, хвасталась новой находкой.

Родители ей настойчиво объясняли, что все, подходящее под описание мусора, поднимать нельзя, этим делом должны заниматься дворники. А если Бекки хочет найти что-то интересное, то предмет должен быть листочком, камешком или семечкой какого-то растения – иными словами, тем, что создала природа, а не человек. Так все и поступали. Если я, отец или сама Бекки находили что-то интересное, то об этом сообщалось всем и подтверждалось восторженными, почти завистливыми возгласами остальных, кому не посчастливилось найти такую важную ценность. Так постепенно поиск валяющихся мелочей стал укоренившейся традицией, а особо ценные приобретения собирались в коробочку от конфет. Потом они перекочевали в папину коробку от туфель. Наконец последним вариантом сокровищницы, уже в старших классах школы, стал деревянный ящик от купленного папой заточного станка. Там было всё: и маньчжурский орех, и камешки всевозможных форм и цветов, и закругленные морским прибором стеклышки – в общем, всё, что в силах перенести постоянное перекладывание с места на место детскими руками. Особую ценность для коллекции представляли найденные перышки птиц, к ним было почтительное, почти культовое отношение. Найти редкое полосатое перышко маленькой птички считалось достижением, а суметь сохранить его в ящике с сокровищами – почти искусством.

Вороны не зря были так настороженны. Мудрые птицы знали, что в моем, на первый взгляд, скучающем виде крылась целая груда коварства, и потеря их самого черного с отливом пера была моим сокровенным желанием. Бекки просто лопнула бы от зависти, принеси я в наш ящик такой жирный трофей. Но хорошо сложенные и ухоженные птицы знали цену каждому своему перу, и я быстро понял, что шансов у меня практически нет. Оттого мой взгляд хаотично шарил по земле в надежде на случайное чудо, пока не наткнулся на какой-то маленький камешек с желтоватыми прожилками. Я подошел поближе и увидел, что это вовсе не камешек, а маленькая бронзовая статуэтка, потемневшая от времени и желтеющая только на выступающих складках. Маленький воин, в шлеме, со щитом и топором, ровно стоял на небольшой овальной подставке, мирно дожидаясь войны. Находка не подпадала под ценность нашего с Бекки ящика с сокровищами, но была очень милой. Такой, что хочется оставить её себе. Подходило время встречи с Лизой, и я, сунув статуэтку в карман кошелька, где обычно хранил мелочь, быстро направился к оговоренному месту встречи в углу парка.

* * *

Мы не виделись с Лизой меньше месяца. С момента нашего с ней знакомства это было первое расставание, причем вызванное обстоятельствами, а не нашим решением. Хоть времени прошло мало, Лиза как будто поменялась. Возможно, причиной изменений была болезнь.

– Привет, зайка, как ты? – выпалил я, ещё не успев до нее дойти.

– Хорошо, только скучала, – ответила Лиза, находясь рядом со мной уже в движении перед поцелуем. После холодного, почти дружеского объятия мы взяли за руки и медленно пошли через парк, где я уже пятнадцать минут наматывал круги.

– Что там с тобой случилось, что ты аж в больницу угодила? – спросил я.

– Да так, ничего особо серьезного: обследовали, назначили кое-какие лекарства, и сегодня утром выписали. Но я все равно очень рада, что ты приехал меня проводить.

Лиза выглядела как обычно, но в ней явно читалась какая-то озабоченность, излишняя серьезность. Странно, что я раньше этого не замечал. Она была такой же, как и всё предыдущее время, в точности до последнего штриха, но теперь я заметил качественно выполненный макияж, всю обдуманность мелочей и деталей её внешности и педантичную их подборку. Всё было кропотливо собрано и доведено почти до идеального сочетания. Возможно, осеннее солнце было под нужным углом и высветило все изъяны идеализма, тщательно скрываемые четыре года. Я попытался вспомнить её другой, и понял, что другой я её не видел. Даже когда мы проводили ночи вместе, я не заставлял её спать, вздохмаченной и помятой. В памяти оставалась только Лиза, выходящая из ванной комнаты уже такой, как я вижу её сейчас. Меня немного встревожил такой факт, ведь если смывать нарисованное, она может даже выглядеть по-другому. На ум сразу почему-то пришла старая зубатая баба-яга, сплошь утыканная зелеными бородавками, с тремя черными волосками, растущими на носу, которая делала магические па со своим сухим мухомором, и бац – становилась красавицей. Эта мысль меня так позабавила, что все мускулы моего лица напряглись, пытаясь сдержать улыбку.

– Эй, ты чего такой загадочный? – толкнула меня Лиза, держа под руку.

– Да так, всякие глупые мысли в голову лезут. Я тут пока тебя ждал, даже подумывал, не начать ли пугать ворон диким криком – может, какая из них обронит перышко.

– Ох уж эта ваша с Бекки охота за сокровищами! – хитро, но очень по-взрослому сказала она. – Вам бы стоило после двадцати на марки переключиться, а то люди начнут вас побаиваться.

– Ну, с марками у нас полное незнание, а тут опыт многих лет. Приятно чувствовать себя профи хоть в чем-то.

– Да, пожалуй, ты прав, но за воронами не гоняйся, что люди подумают! – сказала она почти по-матерински, после чего добавила: – Не люблю ворон, они ассоциируются у меня со смертью.

– Да, думаю, Прометей с тобой бы согласился на все сто.

Она хихикнула, снова меня подтолкнула, крепко держа под руку.

– Ты голоден? Может, пойдём пообедаем где-нибудь?

– Я пообедал с родителями, но с радостью выпил бы кофе. А ты если хочешь, можешь перекусить.

– Хорошо, идем.

Она повернула к себе мое лицо и смачно чмокнула меня в губы – так громко, что находящиеся поблизости «предвестники смерти», мирно ковыряющие клювами землю, настороженно подняли свои головы.

Остаток дня мы провели вместе, обсуждая погоду, планы на будущее, расстояние, которое между нами вклинилось. Как я узнал, Лиза начала искать работу, но пока ничего более-менее подходящего не подвернулось. Времяпровождение прошло по стандартному сценарию. Единственное, чем это отличалось от всех предыдущих встреч, так только тем, что я постоянно пытался угадать комплекс мероприятий, совершаемых этой женщиной для превращения в известную мне Лизу. А образ бабы-яги время от времени выползал и ехидненько меня поддразнивал, шепелявя кривыми, выпирающими изо рта зубами: «Да ты, парень, и половины всего не знаешь о нас, о женшчынах...»

* * *

К вечеру погода испортилась, я еле успел домой до дождя. Ко мне сразу спустилась мама: её кухонные владения и личная комната были на втором этаже.

– Ну что, как Лиза, с ней всё в порядке?

– Да, мам, всё хорошо. Её уже выписали из больницы, ничего серьезного не произошло.

– Слава богу, а то мы тут уже всякого надумали, когда узнали, что ты едешь её проведать! Мы скоро будем ужинать, ты голоден?

– Да, не отказался бы от запеченного целиком поросёночка.

– Приедешь на Рождество – будет тебе запеченная целиком индюшка, мой brutальный охотник с Дикого Запада! А пока довольствуйся запеченной запеканкой. Через двадцать минут поднимайся к столу.

– Хорошо, мам, и завари мне чаю покрепче.

Ветер вперемешку с дождем завывал всё сильнее. Пока я принял душ и переоделся, погода разыгралась не на шутку, так что пришлось опустить ролеты на окнах. Когда сели ужинать, за окном уже творилось что-то невероятное. Бекки, немного поёрзав, сорвалась с места и подняла ставню у окна, ближнего к столу:

– Ну, интересно же! Когда мы ещё увидим такую бурю!

Признаться, все сидящие за столом были с ней согласны, просто Бекки была из нас самой живой и мобильной. Но, к сожалению, рассмотреть особо ничего не удалось: ветер так бил дождем в окно, что мы видели только плавные водяные разводы, вырывающиеся из темноты и расплзающиеся на стекле окна причудливыми фигурами. Весь ужин мы прислушивались к тому, как усиливались порывы. Бекки поставила рекорд по скоростному заглатыванию пищи не пережёвывая. Маме даже пришлось пару раз сделать ей замечание.

– Извини, мам, там все равно всё перетрется, а мне нужно на улицу, – бормотала сестра, глотая следующий непережёванный кусок. Отец сдержанно улыбался, а мама снисходительно качала головой.

– Раз уж вымокнешь, посмотри, не ломает ли ветром мой бамбук, и если что, подвяжи его шнуром из садового домика.

– Хорошо, мам, гляну. Спасибо за ужин, – буркнула Бекки с набитым ртом, уже убегая из-за стола.

– Беги уже, девочка дождя, я сама за тобой уберу, – нежно сказала мама, и мы втроем понимающе переглянулись.

Не успели мы допить чай, как во всем доме погас свет.

– Ух ты! – сказал отец. – Давненько уже такого не было, я даже забыл, что это вообще возможно.

Он, ничуть не растерявшись, подошёл к комоду, почти на ощупь достал оттуда спички, зажег одну и, пока она не погасла, выудил три подсвечника со сгоревшими наполовину свечами. Поджег все три другой спичкой и поставил на стол.

– Пётре, возьми, пожалуйста, две свечи и оставь одну у двери возле входа в дом, чтобы наша повелительница стихий не пробиралась в темноте.

– Хорошо, пап.

Я взял два подсвечника и направился на первый этаж к входной двери. Я всегда уважал, даже поражался умению своего отца четко и обдуманно выполнять любые действия, практически не прилагая усилий. Этот факт свидетельствовал о прекрасной организации его ума. Мне всегда хотелось верить, что я когда-нибудь смогу быть хоть чуточку на него похожим. Оставив одну зажженную свечу у входа, я еще не успел вернуться со второй, а отец уже заканчивал разговор с диспетчером:

– Сколько, по-вашему, займет устранение неполадки? Да, большое спасибо, хорошего вам вечера.

Он повесил трубку и вернулся за стол объяснить, что произошло.

– В нашем районе буря сломала дерево как раз тогда, когда по дороге проезжала машина. Водителю ничего не оставалось, кроме как вывернуть в распределительный щиток, или как оно там называется. Света не будет не менее трех часов.

– Надеюсь, в холодильниках ничего не случится? – нахмурившись, задала вопрос мама, больше сама себе, чем кому-то из нас.

– Не волнуйся, Тереза, они даже не почувствуют. У тебя что, в детстве никогда не пропал свет?

Мама в задумчивости уставилась вверх:

– Нет, что-то не припомню.

Тут в комнату ворвалась мокрая, блестящая от азарта зверушка с подсвечником в руках, отдаленно напоминающая Ребекку.

– Вот это класс! Вот это улёт, улётней всех самых улётных улётов! Вы бы только видели!

– Бекки, аккуратнее со свечей, иначе завтра ты будешь полдня улётно отковыривать весь наляпанный на пол парафин, стеарин или что там они сейчас в этих свечах используют, – сказала мама. – Как там мой бамбук?

– Да что ему станется, камыш камышом. Мы же не в Китае, где он растет по десять метров, – пробубнила Бекки с выражением Чеширского Кота.

– Камыш! Вы слышали?! И такое говорит человек, у которого кактусы вянут! – всплила мама, и если бы не вмешался отец, Бекки получила бы по полной. Альпийская горка, озерцо с пятнистыми карпиками и все, что было посажено вокруг дома, было предметом большей гордости нашей мамы.

– Дорогая, не волнуйся, ты вспомни себя в её возрасте. Всему своё время.

– Да, мам, – виновато подхватила Бекки, – не злись. Я тоже скоро заведу себе пару карапузиков, а когда они вырастут, начну обсаживать дом камышами, бамбуком и другой травой, которая будет в тренде на тот момент.

Все четверо хихикнули. Я четко осознал, чего мне не хватало во время учёбы. Атмосферы родного места, поддержки каждого члена нашей семьи, того факта, что обрывками фраз мы могли так точно и позитивно передавать тончайшие оттенки сложностей этого мира, и самое важное – слышать и понимать сказанное другими. Именно такая обстановка и называется домом, местом, куда хочется вернуться, которое хочется перенести в быт уже своих детей, взяв за основу самое лучшее из своего взросления.

– Это всё, конечно, очень хорошо, – подытожил отец. – Но, не считая двух фонарей, находящихся в садовом домике, у нас нет других благ цивилизации. Предлагаю не пользоваться фонарями, а подготовиться ко сну, используя только свечи. Добро пожаловать в позапрошое тысячелетие!

– Папа, ты супер! – сразу же выпалила Бекки. – Всем пока, я сушиться и спать.

Я тоже поблагодарил за ужин и, взяв одну из свечей, отправился к себе в комнату. Буря постепенно стихала, ветра уже почти не было, слышалось только неровное биение капель о подоконник. Приведя в порядок свои вещи, подготовившись ко сну и расстелив постель, я достал из кошелька свою новую находку и, немного рассмотрев её в таком необычном свете, поставил возле себя на тумбочку. Свеча почти догорела, но спать не хотелось. Нужно было поискать, есть ли здесь ещё свечи. В гостевом крыле дома, кроме самой комнаты, расположились ещё сауна, душевая, туалет и кухня. Где-то должно завалиться пару древних светильников, свечных таблеток для аромалампы или похожих источников яркого тепла. Поиски не принесли результата, и я уже стал подумывать, кого буду считать, чтобы уснуть – овец или барашков. Но тут в забытом всеми углу кухни я нашел толстую рождественскую свечу, которую уже несколько раз зажигали и, не дожидаясь, чтобы фитиль прогрел её до краев, гасили. После многократного использования она больше напоминала макет рудника по открытой добыче руды, в центре которого торчал чёрный скрюченный фитилек, окруженный волнами парафина. Но её было более чем достаточно для освещения, и мой угасающий огонёк был без труда перенесен на найденную свечу. Еще некоторое время я баловался, макая сгоревшую спичку в жидкий пара-

фин и поджигая огарок, но очень скоро коротенький остаток фитилька утонул, первая свечка догорела, и мы остались один на один с рождественской красавицей.

* * *

Буйство природы медленно затихало. Я удобно устроился на диване и, наслаждаясь прелестью домашнего уюта, смотрел на маленький огонек пузатой свечи. Постепенно все события последних дней отдалялись, я просто смотрел на свечу, и чем дольше это делал, тем выразительней казалось пламя огня и второстепенней – окружающий его мир. Все, что было вокруг – темнело и сливалось с мраком ночи, уходило на задний план и растворялось. Я всматривался в огонь, и с каждой секундой плотнее и непроницаемее становился мир – весь, кроме сферы, согретой огнем пламени. Всё, кем был я раньше, всё, что я делал и чего добился – было там, далеко, запечатано мраком. И только некий я сам в этот конкретный момент находился здесь, внутри теплого сгустка света. Без одежды, без кожи, без тела. Некий, с кем я никогда не считался, погрязнув в бесконечных диалогах своего сознания. Но тут была тишина, говоруны остались запечатанными спасительной темнотой, и осталось что-то другое, ещё не осознанное, но простое и чистое.

Шум бури постепенно затихал, и темнота уплотнилась ещё и тишиной. По мере горения расплавленный парафин постепенно затапливал фитиль, и огонь медленно угасал. Сфера существования так же медленно уменьшалась, и хоть мыслей как таковых уже не было, концентрация сознания и того, чем я был в остатке – росла. Я почувствовал причастность к этому маленькому огоньку, почувствовал его важность, его необходимость. Ничто не имело сейчас той ценности, которую мы с ним представляли, и той силы, которая была в нас заключена. Мое дыхание было ровным и спокойным, я даже не был уверен, делался ли мной вдох или выдох в тот конкретный момент. Но я точно знал, кто я, ощущал свою безликую масштабность и значимость. Сфера неумолимо уменьшалась в размерах, свеча гасла под натиском собственного же тепла, эмоции возрастали. И вот мрак поглотил всю комнату, ярко играющая вниманием свеча почти угасла – и дошла до предела маленького голубоватого шарика, болтающегося на холме фитилька, слегка возвышающегося в озере, недавно созданном теплом большого огня. Маленький шарик был настолько хрупок, что любое резкое движение или неравномерность дыхания сразу же сдули бы его со спасительного холма. Будучи сразу элементом великой силы и великой слабости, он сумел собрать в себе всю мою концентрацию в одну точку, сделав меня невероятно огромным существом. Теперь оставалось только держать себя в состоянии полного отсутствия мыслей, чтобы случайно не навредить какой-нибудь из существующих галактик. Огонь же сжался до своих минимальных размеров, после которых мог бы только потухнуть, и остался таковым, всем своим видом заявляя, что так может продолжать гореть почти бесконечно долго. И тогда во мне возникло чувство невероятной радости, радости оттого, что огонь всё ещё горит, мал, но горит. Радости за то, что всё запечатанное темнотой и отделенное от меня настоящего сейчас не мешает. Света от точки уже давно не исходило, но ее застывшая стабильность родила во мне счастье, не требующее объяснений или каких-либо подтверждений извне. Совершенно новые для меня чувства были настолько сильны, что я и не понял, как уснул, от восторга и переизбытка сложных эмоций, так и не узнав, как же в конечном счете погасла свеча.

* * *

Стефан и Фрейя были очень собраны и что-то отмечали в своих бумагах, хотя, по ощущениям, уже давно пора было сделать паузу.

– Может, передохнем? – спросил я.

– Петр, решать не нам. Согласно поставленной задаче, мы привязаны к этой палате на всё время, круглосуточно, тока не каталогизируем ваш рассказ. Тут главное – не упускать важные для нас подробности, – деловито ответил Стефан.

– Тогда давайте сделаем небольшой перерыв и продолжим.

Великие каталогизаторы ушли, и я остался наедине со своими мыслями. Необходимость озвучить перипетии последнего периода моей жизни сильно меня взволновала. Одно дело – помнить, и совершенно другое – подробно пересказать яркие эмоции. Ко всему прочему, добавилось чувство глубокого сожаления о том, что ко мне не вернется та степень осознания окружающего мира, доступная ранее. Но в любом случае, я стал мудрее, опытнее. События последнего периода жизни сделали меня намного богаче.

Инквизитор и восьмибитная цаца вернулись, и мы продолжили.

* * *

Утро следующего дня началось очень рано. Я проснулся преображенным, полным шумных мыслей в голове, которые невпопад спорили друг с другом, создавая сумбур и неразбериху. Рядом стояла погасшая толстенькая свеча и милая бронзовая фигурка. Я не помнил, когда уснул, гасил ли свечу, и чем всё закончилось. Завтрак у нас дома всегда подавался по расписанию, так что у меня ещё была уйма времени собраться с мыслями. Выполнив почти машинально все стандартные процедуры нового дня, я собрался немного прогуляться. Свечка была бережно прибрана в шкаф, а разобраться с фигуркой оказалось сложнее. Окинув взглядом комнату, я так и не решил, какое бы место для нее подошло. Полочки, подоконники и всё, что выступало хотя бы на сантиметр, было осмотрено, но куда бы я её ни поставил, – выглядело это нелепо. Самым простым решением оказалось сунуть её в маленький кармашек своих штанов. Довольный, что нашлось применение загадочному никогда не использующемуся карманчику, я вышел на прогулку.

Пылкая перепалка самых ветреных из моих мыслей поутихла, и я стал понимать, что после происшествия со свечей всё изменилось. Не только я, но и весь мир вокруг меня стал другим. Ощущение свежести нового дня во вздохе, мягкая размеренность шагов, всё знакомое с детства вокруг как будто бы проступило наружу, проявилось из затянутой пелены. Мир наполнился разнообразием звуков, запахов и форм, всем тем, что окружало меня с рождения, но было ранее мне недоступно в силу каких-то неведомых причин. Окружающее было очень приятным, каждая мелочь, будь то трещинки в древесине соседского забора или цвета неба нового дня, в которые так умело окрасило его восходящее солнце, – всё имело свою красоту, свою ценность. Все бубнящие в голове мысли притихли и, уважительно кивая, вместе со мной участвовали в созерцании нового мира. Преображение было явным, причем прослеживалась четкая связь между тем невероятным счастьем, которое я испытал вчера при беспокойстве за целостность маленького светящегося шарика свечи, и моим сегодняшним подъемом эмоций.

Конечно, схожие чувства у меня возникали и ранее: от первого поцелуя, после первого секса, от понравившегося подарка на день рождения или успешно сданного экзамена. Но теперь все те многогранные чувства были объединены с теми, которые мне ещё предстояло испытать, и выданы одной единой порцией. Я явно был не готов к такому повороту событий, и, наверное, не заслуживал такого подарка. Но, как говорят французы, «Другой бы спорил, но я не стану».

Прогулка была очень кстати, я получил заряд бодрости, а заодно осмотрел все последствия вчерашнего буйства природы. Огромная старая акация, с незапамятных времен растущая на перекрестке неподалеку от нашего дома, исчезла. От нее остался только гладко срезанный пенёк, вывернутый в сторону перекрестка. А вместо старенькой, неизвестно для чего поставленной металлической коробки стояла новенькая. С блестящим серебристым отливом и красиво нанесенным знаком, предупреждающим о таящемся в ней электричестве, она остава-

лась единственным доказательством объемов проделанной работы. Каких-то дополнительных свидетельств того, что данное место стало причиной столь знаменательных изменений в моей жизни, я не увидел. Ни веточки от акации, ни осколка автомобильного стекла, разбитого при аварии, видно не было. Не было даже стружки вокруг спиленного пня. Перекресток, как и все остальные улицы района, утром оказался опрятным и прибранным. Свидетельством того, что ночью бушевала буря, оставались лишь разбросанные во дворах частных владений обрывки всего того, что эта буря смогла отщипнуть от одних мест и перенести в другие.

Когда я вернулся, мама уже суетилась возле своей альпийской горки. Рядом стояло ведро, доверху набитое листвой чужих деревьев, ветками и каким-то хламом.

– Пётре, ты решил прогуляться?

– Да, мам, хотелось посмотреть, что творится вокруг.

– А я тут провожу обход своих владений, вроде бы без потерь. – Она почесала лоб запястьем, чуть выше садовой перчатки, и спросила: – Как там вокруг, сильно потрепало наш городок?

– Нет, почти не тронуло, и коммунальные службы, на удивление, быстро сработали. Такое впечатление, что и не было ничего.

– Хорошо, молодцы! Завтрак вовремя, не опаздывай.

Уже находясь дома, я понял, что все увиденные вокруг нюансы здесь были заметны мне и ранее. Внутри свитого моими родителями гнездышка все детали, цвета и запахи были проявлены всегда, и я не увидел ничего нового. Ту пелену невнятности, окутавшую весь мир, внутри семейного пространства родители годами кропотливо соскребывали, проявляли особенности домашнего уюта, наполняли его деталями и содержанием, понятным лишь нам четверым. Именно поэтому родной дом всегда был так приятен. Тут я не увидел ничего нового, а только понял, как все работает, как зрелость и завершенность отца в сочетании с любовью и заботой матери дают им возможность посостязаться с глубинной вселенской силой, дающей мгновенное счастье.

День обещал быть особенным, с Лизой я видеться не хотел, боясь, что она почувствует во мне изменения, которые я был не в состоянии пока объяснить. Я придумал отговорку о необходимости съездить в город, предместьем которого мы являлись, по делам, связанным с учебой, и моя выдумка удовлетворила и родителей, и Лизу, и меня. Это оказалось очень удачной идеей.

При поездке создавалось впечатление, что я отправился в какую-то экзотическую страну, в которую давно хотел попасть. Собирал о ней скудные сведенья, копил на невероятно дорогой билет. И вот наконец тот день настал, вся длительная подготовка завершена, и цель достигнута. Я приехал, и взахлеб рассматриваю все достопримечательности, узнаю традиции, восхищаюсь экзотической природой, которой у нас нет. Где-то там, далеко отсюда, где я живу – серые будни, одинаковые дни сменяются одинаковыми ночами, а окружение простое и невзрачное. Другое дело здесь, куда я приехал. Здесь даже небо другое, и дышится легко, здесь всё не так. И тут главное – не встретить такого же, как я, уже давно копящего на билет в мою страну, чтобы вырваться из своих серых будней и невзрачного окружения. Ведь так может возникнуть внутренний конфликт понимания нашей человеческой глупости. Вот вдруг, бац, и мы встретились! Я, копивший на билет тут для поездки в его места, и он – копивший там, чтобы приехать в места, где живу я. И мы встретились. И поняли, что небо особенное всегда и везде, а мы настолько заикленные, что нам попросту некогда поднять голову здесь, у себя дома. Ведь это небо проще увидеть где-то вдаль, спровоцировав внимание дороговизной билета.

И теперь с перекошенным от удивления лицом я туристом ходил по давно известным местам и не мог смекнуть, где находился эти предыдущие годы. Дали бы мне в руки тогда фотоаппарат, я бы ещё и фоток наделал на память. Так, со слегка придурковатым лицом, полный внимания к давно известной обстановке, я и потратил все силы в тот день.

Да, день прошел очень продуктивно, полный мелких открытий, смятения и неуважительных выпадов по отношению к себе прежнему. А вечер обещал быть ещё интереснее, ведь у меня припасена большущая свеча, которую не терпелось зажечь вновь.

Мама заметила во мне изменения, как только я вернулся домой.

– У тебя всё в порядке, Пётре? Какой-то ты странный... – спросила она, слегка прищурившись.

– Да, мам, всё хорошо, только сильно устал, ног не чувствую, – ответил я почти машинально и словил себя на мысли, что действительно сильно устал, и физически, и морально, от навалившейся глыбы новой информации. – Даже есть особо не хочется.

– Ничего, Пётре, прохладный душ быстро приведет тебя в порядок и вернет аппетит, а легкий ужин никому еще не вредил. Даже не хочу слышать отговорок, я на тебя тоже накрою стол.

– В вопросах еды я и не буду пытаться с тобой спорить, шансы мои все равно стремятся к нулю.

– Вот-вот! – Она, улыбаясь, потрепала ладошкой мои волосы и легонько подтолкнула в сторону гостевого крыла дома.

Всё сказанное ею было в точку: душ, легкий ужин и милая беседа в кругу семьи возымели свое целебное действие. Тяжесть дня спала, оставив только приятную физическую усталость. С нетерпением дождавшись, когда весь дом затихнет, с трепетом первого свидания в сердце я зажег свечу. Умогнулся поудобнее – и стал ждать.

Свеча проделала всю ту же процедуру, что и в предыдущий вечер: сначала выжгла небольшую ямку, оголив часть фитиля, а после, по мере того как разгоралась, находящийся выше уровня этого фитиля парафин стал медленно плавиться и уменьшать пламя. Физика процесса была проста и понятна. Я смотрел на пламя, откинув всё остальное. Но ничего из того, что было вчера, не происходило даже отдаленно. Мысли то и дело путались с воспоминаниями и желанием новой порции чуда, а огонек тихо угасал. Он так же, как и вчера, становился меньше, его яркие тона уходили, оставляя только голубой отлив, но, к моему сожалению, праздник жизни на том и закончился. Надувающийся пузырь разочарования лопнул со струйкой дыма от угасания свечи, и я остался сидеть в темноте. Небо оказалось затянуто тучами, окно комнаты выходило в ту сторону, где не стояло ни единого фонаря, потому темень была такой, что сложно разглядеть даже свою руку. Она казалась где-то тут, но непонятно, была ли она короткой или удлинялась больше, чем положено. Такая неоднозначность показалась весьма забавной, и я переключил внимание на ноги, то лилипутские, то вытягивающиеся или закручивающиеся в спираль. Я пошевелил пальцами рук и ног, и они тут же, как по мановению волшебной палочки, сразу приобрели свой естественный размер. В темноте было всё равно, открыты или закрыты мои глаза – это я понял, как только их закрыл, а очертания моих рук и ног остались прежними. Я перевел взгляд на предметы в комнате, и память быстро очертила их контуры светло-серыми линиями. Приятно удивившись, как всё точно передано, и ещё раз осмотрев детали обстановки, я решил не ограничиваться пределами комнаты и попробовать свои силы в большем. Сквозь темноту проступали всё новые детали нашего дома, причем всё, что уже проявилось, так и оставалось видным в трёхмерности черного пространства. Все закоулки памяти, хранившие подмеченные особенности нашего дома, выдавали мне информацию с бритвенной точностью, сразу же без каких-либо замедлений или оговорок. Создавалось впечатление, что кто-то долго готовился к презентации, кропотливо по крупицам собирал всю нужную информацию и систематизировал её только с одной целью – предоставить её по первому моему требованию.

Монохромная модель дома медленно прорисовывалась и наполнялась деталями. Вместе с этим слух становился все чувствительней: завывание ветра в приоткрытом на микро-вентиляцию окне кухни, бульканье какой-то жидкости в компрессоре холодильника – слыша-

лось и улавливалось абсолютно всё. Раздался слабый шум из спальни Бекки, и я увидел, как она переворачивается на другой бок во сне, сладко причмокивая и смешно складывая губы. Это её мастерская, хоть и менее детализированная, где она готовится создавать свои будущие шедевры. В тот момент я поймал себя на мысли, что не видел спальню Бекки после её переезда в мастерскую, а только слышал об этом. Еще раз, с удивлением осмотревшись, я мысленно устремился туда, где точно не был. Окрестности, соседский дом, его очертания, комнаты, элементы интерьера, мебель – всё намного размытее, чем в нашем доме. Их было видно, только когда специально обращаешь внимание, без возможности удержать в памяти черно-белую презентацию, но всё же их можно было видеть. Я переключился на другие дома поблизости: там ещё кто-то не спал, супруги вели еле различимый разговор, но я мог его слышать без особого труда. Сразу же постаравшись переместиться дальше, чтобы не подслушивать, я сделал ещё пару кругов по окрестностям и в восторженно приподнятом настроении вернулся в свою комнату. А открыв глаза – оставался всё в той же темноте, тут же нашел подготовленную ко сну постель. Так, хоть и сильно уставший, но весьма довольный экспериментом, я заснул крепким богатырским сном.

* * *

Утро следующего дня началось с ощущения своей особенности. Рассказывать кому-нибудь из моих близких не очень хотелось – уж больно непонятно и нереально ощущались ночные видения. Нужно было самому сначала разобраться, а не тревожить родных невнятными домыслами. Сразу же, как только проснулась Бекки, я напросился к ней посмотреть мастерскую.

– Ты так и не показала, во что превратила комнату, где прошли лучшие годы моей жизни! Надеюсь, Бекки, у тебя есть достойное оправдание тому, что я живу в гостевой части?

– Не будь жадиной, Пётре, что за фантастическое жлобство! Вот когда мои картины начнут продавать на аукционах, вспомнишь мои слова, и тебе будет стыдно за то, что эти стены терпели такого среднестатистического подростка. Идем.

Она взяла меня за руку и завела в комнату, полную творческого беспорядка. Всюду стояли баночки с красками, валялись кисточки, карандаши и мелки. По углам был рассыпан ворох бумаг большого и малого формата, скрученных в трубочки и подпертых дощечками. На столике – недоеденная пачка печенья и пара чашек со вчерашним чаем, стаканы с грязной водой от красок – всё было именно так, как подобает настоящему художнику, хоть и не соответствовало порядкам нашего дома. Но самое главное, что меня интересовало, так это общее расположение предметов, и оно было именно таким, каким я видел его вчера. Стол, стулья, стоящий в углу мольберт – всё было в точности похожим на то, что я увидел вчера ночью. Конечно же, без того огромного вороха непонятных вещей, который не может привидеться даже большой фантазии шизофреника.

– Да, Бекки, вижу, что пространство комнаты используется в полной мере. А что по этому поводу думают родители?

– Ты знаешь, они сюда стараются не соваться, чтобы не нарваться на неприятности. Гнев творческого человека – вещь очень опасная!

Она важно сложила губы, подняла подбородок и слегка покивала, на что я с пониманием сделал то же самое, подтвердив мимику словами:

– Как я тебя понимаю, Бекки! Ладно, буду собираться, нужно сегодня повидаться с Лизой, а то приехал её проведать, а вчерашний день провел в своих делах.

– Хорошо, передавай ей привет, – сказала Бекки с нотками сочувствия.

Она хоть и пыталась это скрывать, но слегка недолюбливала Лизу, считая её пустоватой и слишком правильной. Мы все, кроме самой Лизы, давно подметили такое отношение Ребекки,

но не придавали этому особого значения, считая её эмоции детской сестринской ревностью. Но в данный момент я почему-то начинал понимать свою сестричку. Девушка из благополучной уважаемой семьи, живущая неподалеку, была хорошей партией, что совершенно не давало мне возможности видеть её с того угла обзора, с которого на нее смотрел творческий ум Бекки. В любом случае, годы отношений не могут быть спонтанно перечеркнуты непонятной бурей эмоций двух последних дней, а потому я ехал к Лизе.

* * *

Ещё по пути к нашему стандартному месту встречи в парке я ощутил какое-то странное чувство – чувство нормальности. Окружающий мир вернулся в своё обычное состояние, как будто кто-то просто взял, и выключил во мне кнопку, мигом сняв с меня все выданные ранее бонусы. Не знаю, что произошло, как необходимо было реагировать на возврат сознания в прежнее русло, гневом или грустью, но по большей части меня такой поворот событий явно не устраивал. Добравшись до парка, я обнаружил, что он закрыт на ремонтные работы. Об этом было написано на табличке, повешенной на перегородившем вход шнурке. За шнурком суетилось много народу в спецовках. Одни перекладывали бордюры парковых дорожек, другие меняли старые лавочки на новые. Из припаркованных рядом автомобилей выгружали мешки и строительные материалы. На автомобилях и спецодежде работников красовались выполненные в готическом стиле буквы и эмблема: набор геометрических фигур в центре круга. «Сетал».

«Что это за название такое? – подумал я. – Может, аббревиатура или вымышленное? И зачем вообще понадобилось ремонтировать парк? Привычная обветшалость придавала ему своеобразный уют».

С моим мнением целиком и полностью были согласны парковые вороны, которые сидели на деревьях и с недовольным видом наблюдали за творящимся внизу безобразием. Происходящие вокруг перемены меня ненадолго отвлекли от внутренней потери, но неуютная обыденность быстро вернулась, продолжив неприятно угнетать. Назначив новое место встречи с Лизой, я уныло побрел к нему вдоль парковой ограды. Вмешательство в мой жизненный устоял раздражало.

– Пётре, ты не представляешь, что со мной произошло за вчерашний день! Привет! – затараторила Лиза, ещё не дойдя до меня.

Я сразу оживился: неужели изменения коснулись не только меня, и я найду, с кем поделиться своими переживаниями?!

– Здравствуй, рассказывай поскорей, что там такого у тебя случилось!

– Мне вчера перезвонили из одной фирмы, в которой я оставляла свои данные. Вернее, не совсем фирмы. Какая-то государственная организация, занимающаяся работой на правительство, представляешь!

Я не видел её такой оживленной с момента нашей первой близости, она была восторженно возбуждена. Казалось, из её глаз вот-вот выскочат маленькие юркие бесята. Слышать такое было приятно, но, увы, это был не тот ответ, который хотелось бы услышать мне.

– Да, и что?

– Слушай, мне вчера перезвонили и попросили приехать на собеседование. Ты не представляешь, я проходила собеседование на полиграфе или детекторе лжи, не знаю точно, как та штука правильно называется. Всё как в фильмах про шпионов!

– Ого, и чем всё закончилось? Клеймо поставили или вживили имплантат?

– Очень смешно, – скривилась Лиза. – Просто у них там всё серьезно.

– А зачем полиграф? Знания, полученные в процессе учебы, или есть, или их нет. Обмануть, сделав вид, что ты знаешь, мне кажется, и так невозможно.

– Да они по специальности ничего не спрашивали, вопросы больше касались обыденных вещей и моих переживаний и эмоций. Насколько я понимаю, составлялся психологический портрет.

– Ты голодна? Идем куда-нибудь перекусим, там всё подробно и расскажешь.

– Ужасно голодна! – прошипела Лиза, вцепившись мне в руку, и буквально поволокла вперед. – А потом пойдем ко мне, через час дома как раз никого не будет, – сказала она чуть тише и в нос. Похоже, бесятами были заполнены не только её глаза, но и весь организм.

– Даже не представляю, чем мы сможем занять себя в таком скучном пуританском доме.

– Я найду способ чем-нибудь тебя утешить, Пётре, не беспокойся. Как же я хочу получить эту работу, ты даже не представляешь! – сразу же переключилась она, шагая почти вприпрыжку.

– И что же там придется делать, какая должность, зарплата? Ты хоть в курсе, куда так стремишься попасть?

– Толком ничего не сказали, но судя по серьезному подходу, работа с секретными данными, наверное. Ты только представь, через пару лет прихожу я домой в строгом костюме с кожаным лакированным портфелем, а ты в домашнем передничке спрашиваешь: «Как прошел день, дорогая, что нового?» А я такая с важным видом отвечаю: «Много чего, но если я расскажу, придется тебя убить» А ты: «Ну, тогда идем ужинать, я приготовил твой любимый пудинг».

Как тебе такой ход событий? – спросила Лиза с напряженной и слегка надменной улыбкой.

– Да, сюжет волнующий. Но не забывай, что может быть и совсем по-другому. Например, приходишь ты домой уставшая, не чувствуя ни рук ни ног, потому что за день пришлось вымыть двадцать бункеров, в которых только что убили обезьян новым психотропным оружием, имеющим побочное слабительное действие.

Лиза прищурилась, сжала губы и, понизив голос, ответила:

– Вы, Петр Мергель, ужасный человек, не имеющий ни капли уважения к тонкостям женской натуры. Переспорить в дебатах Вас явно не удастся, но мне известен способ, который сильно умерит Вашу непомерную жестокость. У меня дома была припасена для Вас парочка весьма и весьма интересных фантазий, которые теперь я, пожалуй, отменю.

– О нет, это удар ниже пояса, ты не можешь так поступить!

– А слабительный эффект не был ударом ниже пояса?! Ведь обезьян и оружия вполне хватило бы, как считаешь?

– Пожалуй, ты права, и, к тому же, я думаю, что когда начнешь работать в той конторе, от слабительного эффекта они уже смогут избавиться.

– Ты думаешь?

– Уверен.

– Это меня утешило, ты умеешь подбодрить.

Мы обняли друг друга за талию и пошагали в сторону заведения, где подают еду.

* * *

Время, проведенное с Лизой, немного отвлекло от пресного привкуса, преследовавшего меня с самого утра. Вроде бы и наказание за обезьян было отменено, и не было каких-то предпосылок для грусти и уныния. Но всё это было не то. Я пытался всматриваться в детали и мелочи, но их не находил, слушал, нюхал, дышал, но той бритвенной четкости ощущений не было. Получается, что пока ты не знаешь, как может быть лучше, тебя всё устраивает, радуют более приятные моменты, огорчают менее приятные. Но если ты попал в условия значительно лучше прежних, а потом тебя вернули в изначальную обстановку, то тут уже всё. Те же моменты

становятся то неприятными, то совсем неприятными. Так уж устроена человеческая натура: мы очень быстро адаптируемся к улучшениям и с тяжестью в груди болезненно долго перестраиваемся на плохое. Обед и фантазии Лизы насытили мой организм, но простых человеческих радостей уже было явно мало, жажда оказалась намного глубже и сильнее. И потому я тихо побрел, опустив голову, в сторону дома, борясь с накачивающими приступами тоски и паники.

Иногда во сне случается какое-нибудь неприятное событие, например ты тонешь и начинаешь задыхаться, или тебя придавливает большим камнем, и ты понимаешь, что всё, конец. И тут тебя охватывает ощущение, что нет, нельзя. Ведь это же я, самое ценное, что есть во Вселенной, а меня начинает давить, и что самое обидное – раздавит. Это и есть то чувство паники, глубинное, первобытное, от которого не может избавиться ни один, даже очень сильный и смелый человек. Только после самого муторного сна наступает пробуждение, и, как по мановению волшебной палочки, ты снова в полном порядке – максимум, с затекшей рукой, замерзший или в непонятной позе. А тут идёшь и понимаешь, что проснуться просто так не получится, ведь ты бодрствуешь, и способов решения проблемы ты не знаешь, и толком даже не понимаешь, в чем эта проблема состоит.

Погруженный в собственные мысли, я наткнулся на стоящего ко мне спиной мужчину. Мы оба всполошились.

– Ой, извините, я что-то задумался!

– Ничего, бывает, – ответил уже не молодой, но крепко сложенный мужчина с явно армейской выправкой и короткой стрижкой. – Ты только, парень, на дороге по сторонам смотри, а то всякое бывает.

– Да, спасибо, я уже почти пришел, мой дом по соседству.

– Что там у тебя стряслось? – спросил второй мужчина, несущий коробку в сторону пустующего соседского дома.

– Да с парнишкой не смогли разминуться на широкой дорожке. Я уже иду. – Мужчина повернулся в мою сторону и, подняв руку ладонью вперед, сказал: – Удачи тебе, парень.

– И вам хорошего дня, – ответил я и побрел в сторону дома.

На пороге мы встретились с мамой, она как раз выглядывала, кто там заселяется в пустующий соседский дом.

– Что, у нас скоро появятся новые соседи? – спросила она.

– Сложно сказать, два каких-то военных переносят коробки.

– Хоть бы кто въехал, а то жалко, что такой дом пустует. Там высохли вещи, которые ты дал для стирки. Тебе их погладить?

– Нет, мам, я уже взрослый и сам должен о себе заботиться.

– Очень хорошо, мужчина должен уметь сам за собой следить, без няnek. Они на сушилке.

Мама проводила меня внимательным взглядом и осталась рассматривать новых соседей, а я, скучающий неизвестно почему, машинально побрел «следить за собой без няnek». Меня даже не особо угнетал процесс глажки, так сильно я был подавлен. Но только до того момента, как острый носик утюга наткнулся на что-то твёрдое в кармашке штанов. Это была та маленькая фигурка, найденная недавно в парке, только теперь постиранная. Повертев немного в руках миленькую вещицу, я машинально сунул её себе в карман и продолжил глажку. Уже почти заканчивая работу, я вдруг обратил внимание на пар – вернее, не сам пар, а на то, как он клубится, поднимаясь вверх. Будто водоворот мельчайших капелек, вырвавшийся от соприкосновения с разогретым металлом, рисует клубами причудливые узоры, постепенно испаряясь и превращаясь в невидимый нашему глазу водяной пар. И тут до меня дошло, что я опять чувствую запах свежести чистого белья и неприятную нотку химиката, имитирующего запах цветов. Ко мне вернулось состояние, которого так не хватало весь день. Но почему, как, что изменилось?! Нужно было срочно найти ответ. Не окончив глажку, я пошел в свою комнату

собираться с мыслями. Нужно было спокойно и рассудительно обдумать, что могло повлиять. Любое изменение в мире происходит не просто так, а имеет причинно-следственные закономерности, и если мы думаем, что это случайность, то пока не видим общей картины. С этим новым для себя умозаключением я сел в центре комнаты и стал вспоминать:

- так, впервые я почувствовал нечто особенное в вечер бури;
- но это явно не её влияние, так как погода вчера была ровной, без изменений;
- это не влияние свечи или её огня, о чем свидетельствует опыт второй ночи;
- это не еда, не место и не люди, круг общения всё тот же, а весь второй день я провел даже не здесь;

– из еды повторений, кроме кофе, не было, а кофе я пил дважды, дома утром и во время обеда с Лизой;

- может, секс активизирует повторные приступы?!

Очень хотелось бы верить в столь приятные метаморфозы, я даже согласился бы создать свой собственный культ поклонения. Но дни искрящихся изменений были без секса. Уж больно хороша теория – жалко, что не подходит. Единственным отличием этого дня было только то, что на мне не было одежды, в которой я проходил те несколько дней. Возможно, в парке на меня какну́ла какая-нибудь чудо-жар-птица, и одежда приобрела сказочную возможность изменять человеческое сознание, а сейчас при глажке я с паром вдохнул те волшебные феромоны, что не успели ещё выветриться? Но из чудо-птиц в парке были только вороны, и они явно не могли наградить меня такой способностью, да еще чтобы я не заметил. Ворона – птица всё же крупная.

Мысли, похоже, зашли не в ту степь, но связь с одеждой пока оставалась явной. Только вот я в ней сюда приехал, а следовательно, с ней что-то поменялось уже здесь.

Я вернулся к гладильной доске, внимательно всё осмотрел, догладил и забрал вещи в свою комнату, разложил их на столике и стал пристально в них вглядываться. Посидел, почти не моргая, пару минут... После медленно полез в карман, выудил оттуда маленькую бронзовую фигурку, поставил её на стол рядом с вещами и снова стал смотреть, теперь уже на нее. На меня в ответ уставился ровно стоящий маленький бронзовый человечек в шлеме и доспехах, со щитом и секирой.

«Да ну, бред какой-то! – возникло у меня в мозгу. – Взрослый человек, как можно вообще провести такую связь?!»

Я встал, положил на полочку свои вещи и собрался с мыслями, решая, чем занять оставшуюся часть дня. Но идея крепко въелась в сознание, и так запросто от нее было не отделаться. Тем более что изменения стали ощущаться не с момента знакомства со свечей, а как раз при встрече с Лизой. Именно тогда, в парке, как только я нашел фигурку и положил себе в кошелек. И вопрос, чем заняться, отпал сам собой. Весь оставшийся день я напрашивался на выполнение поручений куда-то сходить, что-то купить или забрать, при этом то оставляя, то забирая фигурку с собой. Мама даже удивленно поинтересовалась, что со мной.

– То ты приходишь с кислой физиономией, будто тебя жабами накормили, то мечешься, как мартовский кот. Что там такое с тобой происходит, Пётре?

- Всё в порядке, мам, на меня какну́ла жар-птица, только и всего.

- Чего там тебя кто?! – удивленно булькнула она.

- Да я шучу, всё хорошо, я побежал!

Мои старания к вечеру полностью развеяли все сомнения. Даже стало как-то обидно за себя, потому что лавры потрясающих изменений, происходящих со мной, всецело принадлежали простой маленькой фигурке. Закономерность её влияния была неоспорима, а её ценность медленно поднималась на уровень ценности человеческой жизни. Правда, она ровным счетом не делала ничего особенного, а всего лишь помогала открывать давно находящиеся во мне задатки. Без нее я был всё тем же человеком, что и раньше, но каждая секунда её присутствия

давала мне возможность немножко развиться, а как только влияние заканчивалось, всё приобретенное уже оставалось при мне. С этой прекрасной мыслью и в добром расположении духа я поднялся на семейный ужин.

– Ты виделся сегодня с Лизой? – спросил отец.

– Да, пап, полдня вместе провели.

– Как её здоровье, ей уже лучше?

– Да, она выздоровела, вчера даже на собеседование ездила по трудоустройству.

– Хорошо, что у нее всё налаживается?

– А почему ты спросил о её здоровье? Ты ведь обычно такими вещами редко интересуешься без надобности?

– Да узнал сегодня, что в школе, как раз недалеко от Лизиного дома, ЧП: у одной ученицы средних классов обнаружили не то менингококк какой-то, не то ещё какую-то злую беду. Куча карантинных мероприятий, весь класс на обследование отправили, школу закрывали, анализы брали. Вот я сразу почему-то о Лизе и вспомнил.

– Ученицы средних классов? – немного неуверенно и с замедлением переспросил я.

– Да, там же школа рядом с Лизиным домом, не больше чем в ста метрах.

– И Лиза, по-моему, тоже в той школе училась, – подтвердила мама. – Менингококк, жуть какая, прям как кашка жар-птицы!

– Ну мама, что ты такое говоришь за столом! – вспыхнула ранимая натура Бекки.

– Извини, дорогая, но я только повторила сегодняшнюю фразу твоего брата.

Все улыбнулись, кроме меня. Я был напряжен и пытался разорвать связь крепко переплетающихся событий.

– А вы в курсе, что и тот парк, возле Лизиного дома, тоже зацепили изменения?

– Неужели там тоже нашли какую-нибудь дрянь? – спросила Бекки.

– Нет, там полным ходом начаты ремонтные работы, восстанавливают дорожки, лавочки, фонари меняют.

– Странно, первый раз об этом слышу, – сказал отец. – Обычно о таких работах всегда трезвонят направо и налево. Инициаторы хвастаются, исполнители важничают. А тут полный штиль.

– Будучи старым, наш парк имел свой стиль, надеюсь, его изменят к лучшему, – добавила мама.

– Да, странно... – задумчиво пробормотал я. – Причем позавчера не было никаких намеков на работы, а уже сегодня – бац, весь парк перекрыт и кишмя кишит работниками в спец-одежде со странным логотипом «Сетал».

– Какие-то приезжие. Неужели не нашлось работников в нашем городе, чтобы бюджет не уходил в чужие фирмы? – буркнул отец.

– Наверное, чужаки и завезли нам этот менингококк, откуда же ему здесь у нас взяться, – нахмурившись, сказала Бекки, а потом кивнула, весьма удовлетворенная стройностью своих умозаключений.

– Скорее всего, – согласился я, бездумно вертя в руке чайную ложечку и погружившись мыслями в себя.

* * *

Мне нужно было подумать. Вокруг найденной мной фигурки явно закручивалась череда связанных событий. Я зашел в свою комнату и, хоть уже наступали сумерки, не включая свет, сел на кровать, задумчиво глядя в окно.

Итак, я нашел какую-то вещь, наделенную свойствами, которых до конца даже не понимаю. Сразу же после моей находки место, где она была найдена, ни с того ни с сего подверга-

ется тщательному ремонту, в парке, кроме меня, находились школьницы, которые все как одна чудным образом попадают под карантин и обследования. Лиза. А Лиза вчера проходила тест на полиграфе, и вопросы были как раз такими, что без труда выявят воздействие фигурки. По всей видимости, ведется поиск, и тот, кто ищет обладателя находки, весьма влиятелен.

Из окна второго этажа соседского дома что-то блеснуло. Луч заходящего солнца отразился от стеклянного предмета в окне уже не пустующего соседского дома, а фраза «Улыбайтесь, вас снимает скрытая камера» отразилась у меня в мозгу эхом. Два крепких мужчины с выправкой явно не швей-мотористки, заселившихся сегодня в соседский дом, случайно заявили мне о своем присутствии.

Всё собиралось в не очень удачную для меня картину. Понятно, почему соседский дом. В нашем установлена очень надежная система безопасности, и просто так вломиться сюда не получится. Район, в котором мы проживали, был хоть и не vip, но весьма респектабельный. Несмотря на прогрессивность взглядов, у отца был пунктик насчет безопасности. Когда всё это призванное нас защитить добро устанавливали, мама даже подшучивала над отцом по поводу пулеметных вышек на крыше и сунса, специально обученного реагировать на чужих.

Сомнения насчет того, что эти мои мысли беспочвенны, возникли с самого начала застольной беседы про карантин, но все же столько совпадений сразу быть не могло. Хотя, с другой стороны, как можно было узнать о нас обо всех, находящихся в парке на тот момент? Мысль об этом выглядела нелепой. Но приятный бонус в виде фигурки в кармане говорил совершенно о другом. Благодаря ей мой мозг работал как хорошо работающий механизм, звонко тикая биением сердца. Нужно было с этим разобраться: во-первых, уточнить, те ли школьницы на карантине, что играли в тот день в волейбол, во-вторых, разыскать пожилую пару и выяснить, не происходило ли с ними чего-то странного. Если школьницы не те, а пожилая пара мирно хранит свои вставные каучуковые челюсти³ в стакане с водой, то можно расслабиться. Но если не всё так гладко, то нужно срочно принимать меры по защите артефакта.

Первая часть плана была очень проста. Уточнить местонахождение школьниц, попавших под карантинные мероприятия, и посмотреть, те ли это девочки, что играли в баскетбол, было проще простого. Но найти пожилую пару – задача не из легких. Ни имен, ни возраста тех людей я не знал, не знал даже, были ли они из нашего города или, может, приехали погостить к детям. Открыв было телефонный справочник, я попытался найти адреса домов престарелых – может, какой был рядом с парком, но, на мое удивление, в нашем городе домов для совместного проживания людей пенсионного возраста не оказалось вовсе. Оставался поиск от обратного. Все события, происходящие вокруг фигурки, не вписывались в спокойный и размеренный темп жизни нашего городка, и логично было искать отклонения от нормы и уточнять, с кем эти отклонения произошли. Другого выхода найти доказательства нормальности своих суждений я пока не видел.

³ Первые зубные протезы изготавливались из каучука, только позже им на смену пришли акриловые вставные челюсти.

(3) Шпионские штучки

Первым делом я сходил в газетный киоск, предусмотрительно оставив фигурку под защитой пулементных вышек и скунса, ведь военные были рядом. Скупив всю местную макулатуру двухдневной давности, я начал свои поиски. Вернувшись, всё внимательно перечитал, начиная с объявлений о продаже всякого хлама и заканчивая отметками, сколько малышей родилось за последний день. Три мальчика и две девочки, сухо констатировался факт газетными строками. Понятно. Мальчиков всегда рождается больше для компенсации полов в зрелом возрасте, ведь их больше гибнет до достижения сорока из-за войн, болезней и глупости. А вот самым крупным малышом дня стала девочка весом четыре двести пятьдесят и ростом пятьдесят четыре сантиметра.

Я, немного отвлекшись от поиска, попытался развести руки с растопыренными пальцами на пятьдесят четыре сантиметра. Как для студента-медика, я совсем не много знал о детях. Нам рассказывали про шкалу Апгар⁴ и необходимость знания параметров роста и веса новорожденных, но на кой черт указывать это в газетах – я так и не понял. Наверное, чтобы любой балбес, читающий задворки второсортной газеты, мог, надев очки, важно сказать: «О, индекс Кетле⁵ в норме! Женщины нашего города умеют вынашивать своих детей!»

В общем, в газетах я не нашел ровным счетом ничего, кроме, конечно, упоминания о карантине и ремонте парка. То же меня ждало и на официальной страничке города и в городских группах в соцсетях. В который раз внимательно осмотрев соседский дом из глубины своей темной комнаты и не увидев ничего подозрительного, я собрался ложиться спать. Событий за день и так было предостаточно, а потому ни жечь свечи, ни строить 3D-модели сегодня мне не хотелось, тем более что за мной, возможно, каким-то образом наблюдают. Я прилег на спину, весь придавленный чувством усталости от дневной беготни туда-сюда и вечерних газетных поисков, закрыл глаза и расслабился.

Ощущения при расслаблении оказались совершенно не стандартными. Я чувствовал каждый мускул, каждый сантиметр своего тела, от макушки до пяток. Чувствовал лежащие рядом руки, ноги, туловище; лицо на моей голове, шею. Границы моего организма были очень четко и строго очерчены, никаких метаморфоз с изгибами и растягиваниями. И чем дольше я концентрировался на указании расслабиться какой-то части тела, тем глубже и приятней было это расслабление. Начиная с пальцев ног, ступней, через голень и бедро я постепенно расслабил ноги аж до самых ягодиц. Расслабил до такой степени, что границы, такие мне дорогие и очерчивающие контуры нижней части моего тела, начали слегка размываться, погружая в приятное тепло. Эта спонтанная процедура возымела у тела весьма одобрительный эффект, а потому я с радостью продолжил то же самое с руками, туловищем, шеей и лицом. Приятное тепло разлилось по всему телу, только в области лба ощущения почему-то были иными. Как от ментоловой конфетки, и непонятно, холодок это был или что-то другое.

Мое дыхание выравнивалось и углублялось, биение сердца становилось мягким и тихим. Я чувствовал притяжение, с которым планета тянет к кровати каждое волокно моих мускулов, и в то же время как согревающее тепло продолжает расслабление моего организма с каждым выдохом. Так продолжалось некоторое время. Дыхание все глубже и глубже погружало в приятную мягкость, а границы меня и «не меня» медленно размывались. Перестала ощущаться разница того, где ещё я, а где уже нет, после чего я перешел в глубокий сон. В сон, поразивший меня своими красками и добротой сюжета. Я в нем летал, плавал под водой не задыхаясь,

⁴ Система быстрой оценки состояния новорожденного ребенка в первые минуты жизни для принятия решения о необходимости реанимационных процедур.

⁵ Индекс массы тела, позволяющий косвенно оценить достаточность веса.

посещал удивительные по красоте места и общался с множеством невнятных персонажей. Все существа из сновидения имели одну общую черту – они были очень положительными героями сна. И мы все дружно помогали друг другу, что-то вместе делали или приятно отдыхали до самого утра, открыто и бескорыстно, в ярком и красочном мире.

* * *

В утро нового дня передалось очень приятное послевкусие от ночного просмотра. И это начинало входить в привычку. Сны обычно забываются, оттого я, наверное, и не могу рассказать самого сюжета, но образы и полученные впечатления были значимыми и остались в памяти надолго.

Не забывая о вечерних планах, я сбегал за новой порцией утренних газет. Тратить время на проверку в сети было бессмысленно в силу особенности у виртуальной реальности быть активной в вечернее и ночное время. Утренние часы для электронных посидёшек – не самое благоприятное время.

– С тобой определено что-то непонятное творится, – сказала мама, пытаясь всмотреться в мое лицо. – Что-то странное, тебя на местную прессу потянуло, и ещё до завтрака?

– Это всё жар-птица, мам, не переживай, – ответил я, загадочно улыбаясь. – Я ещё из этих газет сейчас буду огромные самолетки делать и пускать с крыши.

– Судя по твоему виду, это вполне вероятно, поэтому знай: ни один из самолетиков не должен долететь до соседских участков. Не хотелось бы потом объяснять, что у меня взрослый сын с интеллектом трехлетнего ребенка.

– Кто бы говорил! Ты думаешь, я не видел, как ты перекидываешь заползших к нам в сад слизняков на соседские участки?

Мама хоть и была моложе того поколения женщин, которые воспитывались на принципе трёх «К»⁶, но по непонятным причинам была явным поклонником этого принципа. Самое интересное, что он, этот принцип, абсолютно её не ограничивал, не мешал проявлению её творческой природы вне семейного круга. Одним из её многочисленных увлечений был не то чтобы сад, но и природа в целом. Она относилась к тому типу женщин, которые будут пытаться осторожно выпустить из комнаты на улицу залетевшую муху, даже если та не особо хочет туда возвращаться. Я давно знал о её принципе «не навреди», и знал, что слизи вызывают у нее глубокий внутренний конфликт. С одной стороны, они злостные вредители, умеющие в считанные дни обслюнявить и обглодать всю так трепетно собираемую красоту альпийской горки. С другой же стороны, они живые существа размером в пару десятков мух. Мягкий женский ум не нашел ничего более достойного, как тихонечко перебрасывать найденных слизняков на соседские участки. Мы все знали о «бросках добродетели», отец в качестве компенсации за дрессированного сунса даже предлагал ей как-то раз обратиться с письмом в мэрию и попросить открыть приют для всех вредителей сада, куда сердобольные садовники смогут отвозить своих нежеланных питомцев. Но, несмотря на наши подначивания, мама была твердо уверена в правильности своих действий.

– Они же у меня не завелись, а приползли от соседей, вот соседи пусть и разбираются со своей проблемой! – говорила она.

А Бекки как-то раз даже выдвинула теорию, согласно которой самые несчастные в нашем городе – как раз таки слизняки.

– Львиная доля нашего города занята частным сектором, в дворике каждого участка есть как минимум газон, – говорила она. – А это, в сочетании с миролюбием нашего населения,

⁶ Kinder, Küche, Kirche («дети, кухня, церковь») – прусское выражение, описывающее социальную роль женщины в обществе, ставшее наиболее популярным во времена нацистской Германии.

приводит к тому, что любой слизень, случайно попавший в лабиринт участков, обречен до конца своих дней перелетать с места на место через заборы живых изгородей. Семейные дела – это отдельная история.

В любом случае, выпад про близняков маму обезоружил.

– Иди уже, любитель непонятной прессы, пускай свои самолетики, позорь мать. – Она махнула рукой в мою сторону, весьма довольная беседой двух равных, любящих друг друга людей. – Только про завтрак не забудь.

– Хорошо, мам.

Я торопливо начал изучать строки утренней газеты и вскоре наткнулся на сообщение об автомобильной аварии, случившейся накануне вечером, в которой пострадала пожилая пара. В газете было указано, что их направили в критическом состоянии в больницу святого Иосифа. В справочнике я сразу нашел телефон приемного отделения и позвонил.

– Аллю, больница святого Иосифа, я вас слушаю, – раздался деловитый голос.

– Доброе утро, я сегодня прочел в утренней газете про автомобильную аварию. Там было написано, что пострадавшую пожилую пару доставили в вашу больницу. Это так?

– Да, совершенно верно, – раздался утвердительный ответ после небольшой паузы.

– Я волнуюсь, чтобы это не были мои бабушка и дедушка, – проникновенно и печально сказал я. – Они как раз поехали вчера вечером, а сейчас не отвечают на звонки. Моя фамилия Шредер.

– Нет, господин Шредер. По данным регистрации, к нам поступили господин и госпожа Алэн.

– Слава богу, прямо гора с плеч! Надеюсь, с вашими пациентами все в порядке.

– Я не в курсе, слышала только, что они в очень тяжелом состоянии, а все подробности – лишь родственникам и не по телефону.

– Пусть выздоравливают, до свидания!

– Всего доброго!

На очереди была школа. Сопоставив с улицами, по карте города я определил номер учебного заведения, а уже отыскав его в справочнике, набрал один из телефонов наугад. В трубке раздался голос очень пожилой женщины.

– Объединенная школа Боне, слушаю.

– Добрый день, подскажите, ваше местоположение рядом с городским парком?

– Да, именно так. Что вам угодно, молодой человек?

– Я в парке нашел рюкзачок, в нем всякие школьные принадлежности, рисунки и фотографии рыжей девочки с двумя косичками, но нет никаких данных о том, куда можно было бы вернуть вещи. Ваша школа по карте ближе всего к тому месту, потому решил позвонить именно вам.

Тогда, в парке, рыжая девчонка с нездорово буйным темпераментом резко выделялась визгом из остальной толпы. Я решил, что такая запоминающаяся внешность – надежный способ определиться, мои ли то среднеклашки.

– А, так это, наверное, Марта из шестого класса, от нее такого вполне можно ожидать.

– Я хотел бы привезти вещи, как я могу её найти?

– Сейчас никак, она в больнице. Вам лучше будет привезти рюкзак сюда, к нам, а я или кто-то из учителей передадут его девочке.

– Хорошо, я именно так и поступлю, только немного позже. А это, случайно, не из-за той шумихи с карантинном?

– Да, будь оно неладно! И откуда только взялся этот менингококк – из средневековья, что ли?!

– Думаю, что с ними все будет хорошо, в больнице святого Иосифа прекрасные врачи.

– А с чего вы взяли, молодой человек, что они в больнице святого Иосифа? Они в инфекционном отделении центральной городской клиники.

– Наверное, до меня дошли неверные слухи. Но в любом случае, полагаю, все будет в порядке.

– Будем на это надеяться, – немощно просипел голос в трубке.

* * *

Похоже, все складывалось в пользу моей интуиции, но вместе с тем явно не в мою пользу. Поиск следующего номера телефона занял меньше минуты.

– Алло, приемная инфекционного отделения слушает. Чем могу помочь? – раздался ласкающий слух женский голос.

– Здравствуйте, я брат одной из школьниц, Марты, она определена к вам после шумихи с карантинном. Я уезжаю в университет и хотел бы попрощаться с сестрой не по телефону. Скажите, это возможно?

– Нет, физический контакт с пациентами запрещен, но вы можете прийти пообщаться через стекло, если телефона вам мало.

Я уточнил место нахождения их отделения, и, весьма довольный собой, сразу же после завтрака отправился к Марте. Одного беглого взгляда было бы достаточно, чтобы понять, та ли это девочка из парка.

Зайдя в приемную инфекционного отделения, я обнаружил саму обладательницу такого красивого голоса: очень ухоженную статную женщину, с невероятно сложно свитым из волос гнездом на голове. Готическая копна в сочетании с многослойной художественной штукатуркой моментально бросались в глаза. Все процедуры Лизы со своей внешностью тихо померкли по сравнению с тем шедевральным творением, которое смогла сотворить из себя эта женщина. Я даже на время забыл, зачем пришел, пытаюсь понять, куда и как были спрятаны концы её завитушек. Макияж, одежда и всё, что с этим связано, было реализовано на высшем уровне мастерства. Мое восторженное созерцание с приоткрытым ртом перебил голос, который я слышал в трубке менее часа назад. Спокойный и низкий, вырвавшись из пышной груди, он бархатным эхом пронесся по просторному залу.

– Чем могу вам помочь?

– Я брат Марты, я вам звонил недавно, – неуверенно ответил я, все ещё не в силах оторваться от изучения этого произведения искусства.

– Ах да, вы про Марту Герман! Братик, которому нужно срочно повидаться с сестрой. Вам в левое крыло, при входе наденьте бахилы и халат, она в четвертой палате слева по коридору.

– Большое вам спасибо! – сказал я, пытаюсь рассмотреть как можно больше деталей её экстерьера. Она сразу же заметила моё неловкое внимание, и, сверкнув надменной улыбкой, поставила у себя в голове ещё одну галочку. Потраченное утром время было не напрасным, оно весь день приносило плоды её самолюбия.

– Если у вас возникнут какие-то вопросы, там дежурит медсестра, можете к ней обратиться. Только я не понимаю, что вы там через стекло увидите нового?

– Мне, честно говоря, только нужно скорчить ей рожицу, чтобы сравняться по очкам.

Я сразу понял, что зря ляпнул последнюю фразу, так как она была непонятна этой женщине в корне. Похоже, дамочка по характеру была ещё серьезней, чем по внешности, и я даже спиной чувствовал прожигающий во мне дыру подозрительный взгляд. Только спасительный поворот налево не позволил отверстии стать сквозным.

Рыжие косички в четвертой по счету палате только подтвердили уже давно понятое мной. На карантине были именно те девочки, игравшие в баскетбол на парковой площадке в тот

день. По большому счету, ехать в больницу святого Иосифа особой необходимости не было. Хотя одно дело – проверить на полиграфе или подержать в больнице, и совершенно другое – автомобильная авария с тяжелыми последствиями. Мне категорически не хотелось верить, что это госпожа и господин Алены, та пожилая пара. Такой поворот событий уже свидетельствовал бы о нависшей надо мной и моими близкими опасности. Уточнить все до конца уже стало необходимостью.

Возвращаясь через приемный покой, я ещё раз столкнулся с недобрым взглядом, который внимательно провожал меня к выходу. Возможно, развязная форма игры в виде корченья рожиц и не была удачной выдумкой, спишем это на импровизацию, но такого дикого неодобрения я точно не заслуживал. Даже если бы и корчил рожицы своей сестре, ведя счет, что тут плохого? Оставить её вульгарное мнение без надлежащей реакции было непростительно, и потому, как только в меня вновь уткнулся взгляд женщины-павлина, я свел глаза в кучу, скорчил противную гримасу, после чего сказал:

– Один – ноль в мою пользу! – И с довольным видом вышел из отделения, наблюдая краем глаза искаженные формы макияжной композиции.

Глупое и предубежденное невежество было наказано в изящной детской манере, а я, весьма довольный собой, двинулся на поиски четы Ален.

* * *

Странно, что как для безрассудно правдивого человека, которым я, без сомнения, был все мои сознательные годы жизни, у меня хорошо получалось играть выдуманными персонажами. Теперь предстояло покорить больницу святого Иосифа, но там задача стояла иная – быть неузнанным как внук Шредеров, и, представившись внуком славной фамилии Ален, разобраться в происходящем. После звонка приемное отделение для меня было закрыто, и требовалось искать другие лазейки. Первым делом я отправился в пункт скорой помощи и повторил сказанное по телефону первому встречному.

– Пройдите в приемное отделение, там вам всё расскажут, – выпалил какой-то деловитый врач.

«И ведь прав же, зараза, на все сто процентов», – ответил я мысленно больше себе, чем ему.

Нужно было действовать иначе, и решения находились сами собой почти мгновенно. Поднявшись наугад в холл третьего этажа, я выбрал самого важного из врачей, проходящих мимо, и задал свой вопрос уже с долей импровизации.

– Подскажите, я ищу своих бабушку и дедушку, их фамилия Ален, они вчера попали в аварию и где-то тут у вас, только я не знаю где.

При вопросе мои глаза бегали по всем предметам, избегая взгляда врача. Я слегка приподнял правую руку, согнутую в локте, и нежно тер подушечки указательного и большого пальца, иногда подмигивая двумя глазами сразу и при этом подергивая в бок головой. Мнение о моей неполноценности произвело фурор. Все недоступные радости жизни для меня открылись только потому, что ни один цивилизованный человек не устоит перед чувством вины, возникающим при общении с дефективным. Врач сразу же по месту уточнил местоположение моих «родных» и, приставив ко мне медсестру, попросил проводить меня к месту пребывания Аленов. Я был бережно доставлен в нужное крыло нужного этажа. Больница оказалась довольно большой.

– Извините, вы мне только покажите где, а то мне нужно собраться с мыслями, прежде чем с ними повидаться, – сказал я медсестре, приставленной ко мне в сопровождение.

Фраза «собраться с мыслями» затопила ее волной эмоций, напоминающих жалость и сочувствие. Она ласково, по-матерински уточнила:

– Может, вас все же проводить до самой палаты, господин Аллен?

– Нет, благодарю, но я справлюсь, – кротко ответил я, делая акценты на «А» и продолжая потирать пальцами.

– Хорошо, палата ваших родных по коридору, напротив вон того мирно дремлющего мужчины, – сказала медсестра и удалилась, пару раз бросив на меня взгляд.

Крепко сложенный человек в старомодном сером костюме выглядел как родной брат новых соседей моих родителей. Та же армейская выправка и коротко стриженный затылок были отличительной чертой случайных знакомых двух моих последних дней. Фигурка была при мне, а потому рисковать и пробовать морочить голову сидящему военному у меня особого желания не было. В коридор к палате было два входа. В холле с моей стороны находились автоматы с напитками, располагались двери лифтов и выход на лестничную клетку. Перейдя через этаж ниже к месту противоположного входа этого же коридора, я повторно осмотрелся. Тут был только выход на лестничную клетку, женский и мужской туалеты и двери в какие-то кладовые. Мне нужно было только подождать, когда серый костюм захочет или пить, или сходить по нужде. Прикинув шансы, я принял решение. Вероятность того, что он захочет выпить кофе, была намного выше, тем более, направься он в туалет, я успел бы перебежать через соседний этаж и заглянуть в палату до его возвращения. А проделать то же самое, пока он будет брать себе кофе, весьма проблематично. Требовалось решение, дающее сто процентов гарантии моему плану повидать пострадавших. Ко всему прочему, поиск ответов приобрел оттенок игры, в которой мне во что бы то ни стало хотелось выиграть.

Меня уже начала приятно тешить обдуманность и логичность моих действий. С самого утра последовательность операций была на высоте. Нет, не на высоте, а выше всяческих похвал! Вспоминалось то чувство уважения, которое я испытывал к отцу, спокойно зажигающему сразу три свечи – ровно столько, сколько необходимо для выполнения всех манипуляций по дому. Теперь я без труда делал все то же самое, к тому же умело учитывая все нюансы человеческого фактора.

Спустившись к выходу, я подошел к первой попавшейся медсестре и спросил:

– Извините, не подскажете, где находится ближайшее место, где я смог бы распечатать пару листов?

Медсестра на мгновение напряглась и через пару секунд ответила:

– Завернув в переулок направо и немного пройдя, вы найдете интернет-кафе. Там, я думаю, всё это есть.

– Большое спасибо за подсказку. А где ближайший магазинчик с канцелярскими товарами?

– Да там же, в том кафе, и все сопутствующее можно найти, – сказала она, уже направляясь по своим делам.

Я посетил указанное медсестрой место, и уже минут через десять, с заговорщицки довольным видом, клеил на автоматы с напитками надписи «Автомат временно не работает. Вы можете найти исправные на соседних этажах. Приносим извинения за неудобства!». Перейдя на противоположную сторону, я занял выжидающую позицию в засаде возле туалетов.

Ждать пришлось очень долго. Создавалось впечатление, что это не человек, а робот, и ему одной подзарядки без особого труда хватает на две недели, как старым моделям телефонов. Вокруг него суетилась жизнь, сплошь состоящая из ненужных ему людей, но его цели были неподвижны, и он, соответственно, вместе с ними.

Возле аппаратов с напитками начала бурлить жизнь из работников больницы святого Иосифа. Похоже, они пытались выяснить, что случилось с автоматами и кто начал заниматься починкой. От провала мой гениальный план спасала лишь глубокая вера людей в написанные утверждения, за которыми, оказывается, без труда можно спрятать суть. Шаблонность мышления направляет людей по написанному, и вот уже работники больницы, профессионалы в своей

сфере деятельности, бодро выясняют, кто вызвал специалиста по починке и почему поломка нигде не зафиксирована. Мне вспомнилась история о каких-то выпивших малолетних анархистах, выпустивших в городе трех свиней, предварительно написав на них краской «№1», «№2» и «№4». И таки да! В поиски свиньи «№3» задействовали ресурсы колоссальных масштабов, прежде чем понять, что она существует только благодаря логичности нашего мышления.

Наблюдая за бережно наклеенными скотчем надписями, я постепенно стал понимать, насколько глобальна система подобных надписей вокруг нашей жизни. Как умело манипулируют все эти надписи нашей логикой, как подводит нас наша шаблонность мышления, а все новые и новые девизы и слоганы незаметно навязывают нам новые нормы жизни. Самое обидное в этом всё заключено в глубоко скрытом лицемерии, ведь цель надписей – не донести читающему, а получить пишущему.

Но вот серый костюм наконец-то проявил человеческие признаки, и направился в сторону автоматов. Теперь в голове звенел только один вопрос: «Оставишь свой пост или не оставишь? Оставишь или нет?! Это же всего на минутку, ты ведь хочешь кофе, машинного масла или что ты там пьешь?..»

Суэта персонала больницы по поводу автоматов сыграла мне на руку и придала ситуации естественности. Костюм, немного потоптавшись и внимательно осмотрев вход в палату, дождался, пока по коридору пройдут посетители соседней палаты, и посеменял по ступенькам вниз.

«Есть! Красавец!» – выстрелило у меня в мозг, и я тут же как можно быстрее направился в палату.

Пожилая пара располагалась на больничных койках друг рядом с другом, с виду опознать их было невозможно, так как, кроме забинтованных голов, на них еще были кислородные маски. К госпоже Ален был подключен аппарат искусственного дыхания, и, судя по обилию медицинских приборов, дела у нее обстояли совсем плохо. Господину Алену было немногим лучше, но проделанный мною путь обязывал меня на время снять с него маску.

Рука нервно дернулась. Я увидел. В палате был он, тот старик, мирно сидевший в парке и, довольно прищурившись, выставляющий солнышку свое лицо. Это был он, и все мои самые худшие опасения подтвердились. Господин Ален приоткрыл глаза, и наши взгляды встретились. Его рука и губы немного дернулись в попытке что-то мне сказать, но получился только скрипящий вздох, и старик беспомощно затих от утомивших его усилий. Я вернул маску на его лицо, выглянул в сторону автоматов, и, убедившись, что костюм ещё не вернулся, бодро зашагал прочь.

Фигурка определенно была необходима не только мне, но и кому-то очень и очень влиятельному, ценность человеческой жизни для которого ничто, обычная статистика. Определить, где находится утерянная фигурка, сложно, а по человеку – не составляет особого труда. Вот только теперь я был на шаг впереди тех, кто осуществлял поиски, а они об этом не догадывались. Ко всему прочему, у меня был внушительный бонус – сама фигурка, которая хоть и не могла меня защитить, но открывала во мне неплохие навыки. Для начала мне нужно было как можно быстрее отстраниться от моих родных, чтобы им не навредили по моей вине. Звонок домой я сделал сразу же.

– Алло, привет, мам!

– Да, Пётре?

– Только что разговаривал со своим однокурсником и выяснил, что завтра занятие, которое желательно не пропускать. Так что я возвращаюсь в институт.

– Хорошо. На обед останешься?

– Нет, мам, ты мне сделай бутерброды, я перекушу в дороге, а поужинаю уже в общежитии.

– Жаль, конечно, нас всех вечером на ужин пригласили новые соседи – думала, ты присоединишься.

– Я бы с радостью, но не получается... – Волнение во мне немного возросло.

– Понимаю.

Похожий звонок я сделал Лизе, и уже через час отправился в путь к месту своего обучения.

* * *

Нужно было прервать рассказ. Я устал, Стефан и Фрейя тоже.

– Ну что? – спросил я, разминая затекшую спину. – У меня получается выполнять условия, оговоренные договором госпожи Арк?

– Да, Петр, всё отлично. Немного литературно, но именно так и нужно, чтобы передать эмоциональное состояние, – ответил Стефан.

Мы попрощались вечером и поприветствовали друг друга утром следующего дня. Уснул я не сразу. Несмотря на усталость, мысли от подробностей пережитого роились в моей голове и отгоняли сон. Но мне приятно было вести рассказ, так как повествование давало мне возможность повторно пережить моменты своего преобразования. Я с нетерпением ждал утра, и как только вернулись слушатели, мы продолжили без особых церемоний.

(4) Институт

Переезд с одного места на другое дал мне время всё обдумать. Выбор был особо не велик: отдать фигурку, выбросить её или попытаться оставить себе. Отдать – и лишиться себя шанса узнать о возможностях, ещё для меня не открытых?! Жизнь с осознанием такого поступка напроочь бы лишила меня самоуважения. Вариант выбросить выглядел ещё более ничтожным: в нем я со словами «Если не мне, так не достанься же никому!» швырял фигурку с моста в реку под зловещее хихиканье примата. Но какие шансы были удержать её у себя более пары дней? В теперешней моей обстановке они быстро стремились к нулю. Пойди я даже в столичные бомжи, люди, умеющие организовать карантин и ремонт парка, меня найдут за считанные дни. А потому нужно было уйти от цивилизации, в какой-нибудь домик на Аляске, где я смог бы спокойно заняться созерцанием трещинок в ледяной корке и ловлей комаров. Но перемещения через границы тоже без труда фиксируются, потому экотуризм шансов затеряться, увы, особо не повысит. Видимо, для начала мне нужны поддельные документы для выезда из страны – и уехать туда, где шансы отыскать человека будут минимальны в силу недоразвитости инфраструктуры. Может, Амазонка или Непал.

Вопрос, как удержать, формально был решен. Теперь нужно было подготовить пути к отступлению. Хоть ценность получения специальности стоматолога начала стремительно уменьшаться, терять потраченные на учебу усилия было неразумно. Хотелось бы оформить академический отпуск на год, а после решить, что делать. Даже при самых неудачных раскладах в рамках первого этапа обучения мой госэкзамен был сдан хорошо, и измени я специализацию на другую, я потеряю только пару предметов клинического этапа обучения. В свете последних событий было бы неплохо переквалифицироваться на психолога. Жалко, что в меде не преподают шаманство и мистицизм, мы бы с фигуркой добились там больших высот.

Прочтя студенческий статут и узнав обо всех условиях оформления академического отпуска, я обнаружил не очень радужные перспективы. Будь я беременной девушкой, всё выглядело бы значительно проще. Но даже при самых плохих раскладах, если бы управление по делам студентов отказало мне в отпуске с учетом моих оценок, я был уверен в возможности продолжить учебу повторно, подав документы через год. Да и запрос на официальный академотпуск мог быть всё же одобрен, скажем, для ведения практической деятельности с целью исследований, с учетом переквалификации.

Следующее, что было необходимо сделать – как-то объяснить свой поступок моим близким, дабы уменьшить их волнение на мой счет. Насколько это, конечно, возможно. С человеком, который тебе дорог, никогда не нужно хитрить или врать. Такое действие автоматически переводит его в разряд безразличных тебе людей. Такой подход ко лжи был известен мне ещё с детства и привит полученным воспитанием. Конечно, вопросы кровного родства оставляют связь, но даже с ним близкий человек при отсутствии честности просто переходит в разряд родственника. Не говоря уже о паре мужчины и женщины, которые, в принципе, чужие, и объединены лишь природной тягой, вызванной химией тел. Близость для них должна копиться годами прожитых совместно лет и может быть разрушена даже недомолвками и холодом в отношениях.

Всё это означало, что содержание объяснений должно было быть вполне определенное. Я решил кардинально изменить ход своей жизни, поменять специализацию в институте и, по возможности, разобраться в себе. Со мной всё в порядке, только на какое-то время мне необходимо сменить обстановку и побыть одному, чтобы оценить всё со стороны. А ввиду того что чувства близких мне людей не дадут им возможности оставаться безучастными по отношению ко мне, я обязан скрыться из виду на неопределенное время. По правде говоря, так в действительности и было, но только без подробностей о моей находке и открывающихся мне возмож-

ностях. Про фигурку и про её влияние я всё равно не смог бы толком объяснить, а посему запутывать излишними подробностями не стоило.

Что мне нужно было сделать со своей учебой и как объясниться с близкими – было решено. Но не имело смысла начинать кардинальные изменения без возможности исчезнуть из поля зрения. Необходимо было разобраться с удостоверением личности или чем-то подобным.

Для меня такой вопрос оказался совершенно новым, но фильмов про шпионов я посмотрел немало, и всю картину представлял себе хорошо. Я набрал номер, и услышал в трубке знакомый голос:

– Привет, Пет, слушаю.

– Привет, Замир, ты на учебе?

– Нет, а что?

– Ну, я имею в виду – в городе?

– А, если ты об этом, то да. Я на тренировке как раз. А ты что, где-то далеко?

– Был, но уже подъезжаю. Буду часа через полтора. Давай встретимся в восемь, как обычно, у меня к тебе будет серьезная просьба.

– Хорошо, до встречи.

«Давай, сколько можно трепаться, тебя все ждут!» – раздалось эхом спортзала, прежде чем Замир положил трубку.

Я позвонил ему не зря. Он всегда знал человека, который знает человека, у которого «это есть», и за ним водились темные делишки. И кроме всего прочего, в Замире я был уверен как в самом себе. В нем живой ум сочетался с ответственностью и какой-то внутренней добротностью. Замир был из неблагополучной и бедной семьи, очень хорошо учился и в будущем, я верю, станет талантливым хирургом. Но ему вечно приходилось подрабатывать какими-то полулегальными заработками. На мой вопрос, зачем ему хирургия, он отвечал с завидной уверенностью:

– В ней нет ничего сложного. Научись шить, и шей красное к красному, а белое к белому. Дальше всё срастется само, люди будут тебе благодарны, а как бонус – заработок, уважение и материальное благополучие.

Он каким-то образом всегда был прав в разговоре. В диалогах со мной старался скрывать свое пренебрежительное отношение к стоматологии, хоть и частенько меня поддразнивал.

– Странно, что ты не пошел в пластические хирурги, – говорил он мне. – Надувал бы сиськи губатеньким фифочкам.

– Ну, пластические хирурги ещё и исправляют людям дефекты внешности, мешающие жить, – возражал я.

– Ага, между срезанием десяти кило жира с какой-то задницы и надуванием сисек, – хихикал он в ответ.

Даже звал он меня «Пет» сокращенно не от имени Петр, а от чашки Петри, о которой говорил, что от нее толку больше, чем от всей стоматологии. Я всегда знал, что он дразнит меня по-доброму. В его суждениях о том, что представителей этих специальностей больше заботит корысть, чем желание помочь людям, всегда было больше правды, чем в моих отговорках. Но кто, как не близкий друг, имеет право на самую острую критику в твой адрес, даже если она идет в разрез с твоим видением мира.

* * *

Наша дружба с Замиром началась ещё на первом курсе. Организовалось мероприятие в честь завершения первого семестра, и в самый разгар гулянки ко мне подошел смуглый кучерявый крепыш с забавно кривыми ногами и сказал:

– Что, братишка, грустишь?

– Да нет. Сижу, смотрю, как люди отдыхают.

– А, девушка не пришла, сочувствую! Меня Замир звать. – И он протянул в мою сторону большую, покрытую обильной растительностью лапу.

Я хотел было его отшить, но простое открытое лицо, расплывшееся в доброй улыбке, изменило мое мнение.

– А я Петр, только я не скучаю. Мне больше нравится наблюдать за весельем, чем самому веселиться.

– Ясно-понятно, тогда идём выпьем. Веселее тут уже не будет, и так предел.

Так мы познакомились и вскоре крепко сдружились. Между нами всегда была дистанция для личного пространства, но вместе с тем и полное понимание и уверенность в поддержке друга. Крепость его слова была соизмерима с крепостью моего. Если вдруг в разговоре компании знакомых мы решали съездить в горы через пару недель, то все, кроме нас двоих, трезвонили о предстоящем походе. Потом постепенно у каждого находилась причина, очень уважительная и мешающая поездке, и народ отсеивался. А не проронивший ни слова после договоренности Замир стоял, готовый к поездке, утром назначенного дня, и был спокоен и уверен, что я буду там же. Во время походов в горы мы периодически с ним отдыхали от снобизма и пафоса наших сверстников. И в то же время и он, и я относились к остальным своим знакомым по-доброму, с пониманием, что у всех у нас это возрастное.

Его делишки и знакомства с мутными типами меня не касались, я никогда не задавал вопросов о его заработках. Только однажды был инцидент в четвертом семестре учебы, когда я его спросил. В то время мы жили в комнате общежития втроем: я, Замир и Нолан – персонаж-дзен, как мы его называли. По всем понятиям, Нолан был убогим человеком: тормоз, лентяй и неряха. Его очень привлекательная внешность и молчаливая задумчивость приводила в трепет многие девичьи сердца. Но его непроглядная тупость была настолько неизлечима, что порой удивляло, как он вообще может пытаться учить медицину.

Поначалу мы считали, что Нолан – своеобразный человек, очень замкнутый и живущий в мире своих персонажей. Но постепенно опыт стал подсказывать о том, что его загадочность – не что иное, как непроглядная пустота. Пустота во взгляде, в мыслях, в желаниях. Он даже навыков при обучении никаких не получал. Чистая доска, которую не мог замарать ни один мелок, потому как информация не могла найти в нем места, чтобы зацепиться. Мы с Замиром часто морально издевались над Ноланом, но того типа мало цепляли даже самые злые издёвки. Было даже непонятно, осознает ли он, что с ним делают.

Монахи, практикующие буддизм, должны были потратить не одну жизнь, чтобы прийти к навыку, который был дарован Нолану от рождения, а эта сволочь даже не понимала бесценности своего дара. И если говорить о глобальных вещах, то цель существования такого человека не до конца понятна. Есть целая категория девушек-дзен, у которых с головой наблюдаются все те же симптомы. Они как голландские цветы – красивы в своем разнообразии форм, хоть и все с одинаковым запахом сырой воды. Но всё же у них есть свое предназначение. Они выросли для того чтобы их срезали и поставили в вазу, чтобы наслаждались их формой и цветом, до момента пока те не завянут. Добавив к внешней привлекательности распыление дорогих духов, чтобы забить водянистые тона, в каждом цветке мы получаем объект, именуемый красотой. А вот с Ноланом природа, вероятно, промахнулась полом.

Но рассказ не о Нолане, а о том, что в один прекрасный день в наше жилье нагрянули стражи правопорядка с обыском. Искали у всех, но нашли коробочку с нелегальными препаратами у Нолана. А после того как на той коробочке ещё и обнаружили отпечатки этого олигофрена, его перевели из места учебного заведения в охраняемое. Я прекрасно понимал, чьи были таблетки, хоть и слабо представлял, как они могли оказаться у Нолана, да ещё и с его отпечатками. Ведь жили мы хоть и вместе, но общими была только кухня, ванна с туалетом и

балкон, наши жилые комнаты были разделены и закрывались на ключ. Но как так получилось, было и не важно. Я тогда задал Замиру только один вопрос:

– Ты понимаешь, что испортил ему жизнь?

– Его бы все равно отчислили после первого госэкзамена, да и вряд ли он поймет разницу перемен.

Тогда Замир немного задумался под натиском моего тяжелого взгляда и добавил:

– Это станет для меня хорошим уроком на всю жизнь. Надеюсь, я скоро выпутаюсь из грязи и смогу искупить свою вину честным трудом.

Ответ был достойным дружбы. И хоть мы отделились после того инцидента, но остались в очень хороших отношениях. И теперь я еду с надеждой, что он ещё в грязи тех темных дел. Мне стало даже немного обидно за свои желания.

* * *

По приезде времени хватило только оставить вещи и принять душ. Я сразу поспешил на встречу. Не то кафе, не то паб неподалеку от нашего места обучения был постоянным прибежищем для студентов. Тут жизнь всегда бурлила и постоянно менялась в зависимости от времени учебы, хотя персонажи оставались всё те же, за редким исключением случайно забредших прохожих. Замир меня нашел не сразу, так как я забился в самый дальний закоулок и, проголодавшись, уплетал за обе щеки только что принесенный заказ.

– Вот ты куда спрятался, Пет! А я уж подумал, что ты опаздываешь.

– Ты есть хочешь? – спросил я с набитым ртом.

– Нет, я только поел. Закажу пива, тебе ещё взять?

– Да, как обычно.

Я доел, Замир принес два бокала пива, и мы сели друг напротив друга.

– Чего там у тебя, выкладывай, – уже серьезно сказал он.

Я осмотрелся по сторонам, и, не увидев ничего подозрительного, сказал:

– Мне нужен липовый заграничный паспорт с моей фотографией для выезда из страны.

Лицо его изменилось, поворот событий был слегка крут даже для него.

– У тебя всё хорошо? Во что ты вляпался?

– Ни во что, и так будет и дальше, если достану паспорт.

– Ну... – затынул он, моргая, словно перелистывая в уме справочник своих сомнительных знакомых. – Возможно, а на когда?

– Чем быстрее, тем лучше – завтра, послезавтра в крайнем случае. После, думаю, вряд ли понадобится.

На перекошенном от неожиданности лице проступила неуверенность.

– Обалдеть, я тебе что, 007?! – вспыхнул он от собственной беспомощности. Потом сделал пару неровных вздохов, погрузившись в свои мысли, отпил пива и спросил:

– Насколько это для тебя важно?

– Замир, очень важно, таких просьб от меня больше никогда не поступит.

– Ну ты, Пет, и даешь, такие задачи ставишь, я от тебя тихо млею! – пробурчал Замир и, отхлебнув ещё глоток, потянулся за телефоном.

– Сделай пока официальные фото, без уголков и прочей херни, только фото, и будь готов переслать их мне по первой же просьбе, – буркнул он, уже достав телефон и собираясь делать звонок. – Что за люди меня окружают! – бубнил он уже себе под нос, уходя.

– Я тоже рад нашей дружбе.

Он понимающе улыбнулся и махнул рукой. Его пивной бокал так и остался пузыриться на столе тонкими струйками, слегка надпитый, как доказательство того, что задача, поставленная перед его хозяином, не давала ему времени даже на пару минут отдыха.

Я сделал несколько вариантов фото на паспорт и подготовил их к пересылке по первому требованию. Пошел к себе в общежитие и написал два письма: одно – родителям и Ребекке, а второе – Лизе. Хотя, по большому счету, можно было и одно, потому что текст практически повторялся. После сел и ещё раз перечитал обо всех условиях оформления академотпуска. Распечатал и заполнил форму запроса и с довольным выражением лица стал представлять собственное будущее. Приятно было осознавать, что даже самые значимые перемены в жизни могут быть сделаны легким движением в нужном направлении. Оказывается, вся сложность перемен кроется в нас самих, в инертности нашего мышления, в лени или банальном нежелании менять обстановку, к которой так привык. Но любое движение в сторону не встречает сопротивления извне, нужно только прорвать оболочку пузыря, образующегося вокруг каждого человека, перестающего двигаться. И вот – элементарный шаг, и ты осознаёшь, что та громадная сфера, окружающая тебя и навевающая страх действия, не что иное, как мыльная капля в твоей ладони, раздутая, но которую ты можешь без труда лопнуть.

Приятное понимание того, насколько легко могут совершаться перемены в нашей жизни, прокатилось приятной усталостью. Усталостью очень долгого дня, но продуктивного по всем показателям. Разве что скорченная рожа в приемном отделении была лишней. Такая красивая и трудолюбивая по отношению к своей внешности женщина этого не заслужила. Конечно, отсутствие ума и слегка глуповатый нрав не могут быть украшением, но они же никак не давали мне права считать себя выше или развитей. Она была всего лишь другой, не такой как я, и усугубить её непонимание глупым жестом сейчас мне казалось непростительным ребячеством. Но что сделано, то сделано.

Собрав и разложив всё по местам, я осмотрел комнату. Меня окружал минимализм и порядок, выделялась только шахматная доска с расставленными фигурами, мирно отдыхающая в углу. Я не особый шахматист, хоть и не считаю себя глупым. Мои партии в шахматы с компьютером – это отдельное увлечение. Всё началось с того, что давным-давно я как-то скачал маленькую невзрачную программку с игрой в шахматы. В ней почему-то не было трех обычных уровней сложности, а были галочки напротив пунктов «Программа будет играть в стиле: Карпова, Каспарова» и других неизвестных мне фамилий. И сколько бы я ни начинал играть, программка с легкостью вытирала об меня ноги на ходах до первого десятка. Я пытался повторять те же ходы, уже зная, на чем меня подловили прежде, но меня обыгрывали снова и снова.

Тогда я и купил доску, наивно полагая, что визуализация даст мне хоть какую-то помощь. Но она только стала памятником моей тупости, пыльно стоящим в углу. И если я вдруг зазнавался и начинал считать себя особенным, мне нужно было всего лишь загрузить программу и попытаться оказать ей хоть какое-то сопротивление. И эта простая процедура неизбежно возвращала меня на землю.

Я переоделся в домашнюю одежду, сняв усталость прошедшего дня, и приготовился ко сну. Фигурка стояла рядом, и я мирно ждал своего вечернего приза. Было ясно, что меня попросту знакомят с тонкостями бытия, которые ранее были недоступны. И значимость такого знакомства перевешивала ценность моего прежнего окружения. Возникла интрига: что за киношку мне покажут сейчас? Я прислушался: к себе, ко всему вокруг – но ничего не происходило. Свечи у меня не было, да и не думаю, что она бы сработала. Повалевшись немного в постели, пройдясь сотню раз из угла в угол комнаты, я махнул рукой на ожидания и загрузил шахматную программку. Выбрал сохранение расставленной на доске раскладки и приступил к самоунижению.

Но эта игра не стала игрой, она даже не стала играми. Стоило мне только сконцентрировать внимание на доске, как сознание устроило мне презентацию почище черно-белой. Без передвижения фигур в уме стали прорабатываться возможные комбинации, движение ходов по доске прорисовывалось линиями, возможные варианты событий выделялись линиями раз-

ного цвета на полупрозрачном фоне фигур и клеток. Как только рисунок на одной доске становился слишком запутанным, ступенькой сверху прорисовывались все удачные для меня исходы событий с конечным расположением фигур. Каждая приподнявшаяся доска начинала рисовать цветом свои варианты событий, после чего выбрасывала свои удачные исходы. Я восторженно наблюдал за распускающимся бутоном из досок, пестрящим цветами линий. Это действие было призвано скорее не обучить меня игре или закончить партию, а показать невозможность просчитать все ходы, научить смирению и вере в свою интуицию. Грандиозность действия говорила лишь о том, что ни у Карпова, ни у кого-либо другого не было, да и не могло быть алгоритма действий. Говорили о том, что они просто умели чувствовать обстановку на каждой конкретной доске событий, использовали арсенал штампов и пытались отклонять их ход от тупиковых для себя ветвей. Изрисованные цветами доски давно уже выросли за пределы комнаты, и конца ещё не было видно, когда вдруг зазвонил телефон. Всё сразу свернулось в маленький столик с фигурками.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.